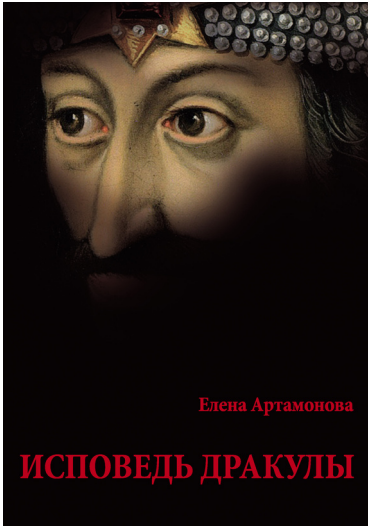

Елена Вадимовна Артамонова

Исповедь Дракулы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5810217
Исповедь Дракулы.: Спорт и Культура -2000; Москва; 2011
ISBN 978-5-91775-047-7

Аннотация

Дракула... Зловещая фигура «главного вампира всех времен и народов» давно стала хрестоматийным образом, знакомым едва ли не с детского сада. Дракулу знают все, но эти знания – всего лишь причудливое нагромождение фольклора, реальных фактов, созданных Голливудом фантомов, досужих домыслов и клеветы. Так кто же скрывается под бесконечной чередой масок и воплощений, кто же такой Влад Дракула? Вампир? Отважный воин, прославившийся своими победами? Сын дьявола? Кровавый тиран? Жертва искусно сплетенного заговора? Ответ существует, но для того, чтобы найти его, надо заглянуть в прошлое и, опираясь на свидетельства очевидцев, воссоздать события почти шестисотлетней давности...

Роман Елены Артамоновой «Исповедь Дракулы» является уникальным произведением, которому на сегодняшний день нет аналогов в посвященной Владу Дракуле литературе. Как ни парадоксально это звучит, но до сих пор судьба Влада Воеводы «не удавалась» стать сюжетом серьезного исторического романа-исследования, сочетающего в себе и глубокий научный подход, и увлекательность изложения событий. Елена Артамонова впервые нарушила эту печальную традицию, наиболее полно отразив в своем произведении яркую и трагическую судьбу румынского князя. «Дракула не совершал приписываемых ему злодеяний, а его репутация великого изверга возникла стараниями венгерского короля Матяша Корвина, решавшего таким способом свои финансовые и политические проблемы» – такова главная мысль «Исповеди Дракулы». Это утверждение звучит как вызов сложившейся на протяжении последних ста лет традиции «демонизации» Влада Воеводы, однако автор приводит весомые доказательства своей правоты – многочисленные документы XV века, в том числе письма самого Дракулы, опровергающие бытующие в наше время стереотипы.

Судьба румынского князя Влада Дракулы интересна сама по себе, однако не стоит забывать, что сюжет романа разворачивается в контексте событий, происходивших на Балканском полуострове после падения Константинополя в 1453 году, в эпоху передела Южной Европы, оказавшего огромное влияние на историю Российского государства. Несмотря на обилие исторической информации, «Исповедь Дракулы» читается легко и с интересом – в романе есть элементы детективного расследования, яркие любовные и батальные сцены, приоткрывается завеса над мрачными тайнами позднего средневековья, ставшего началом расцвета инквизиции.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
Часть первая. Донос	6
1462 год	6
1463 год	17
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Елена Артамонова Исповедь Дракулы

ОТ АВТОРА

Князя Дракулу знают все, но в то же время мало кому известна подлинная судьба этого человека – слишком много легенд и домыслов окружают его имя. Мифы завораживают, однако ни одна выдумка не может сравниться ни по накалу страстей, ни по «закрученности сюжета» с жизнью настоящего Влада Воеводы. Потому в моем романе мало вымысла: все его главные герои – реальные исторические личности, а цитируемые документы XV века взяты из научных работ известных историков. Особенно интересны письма, написанные самим Дракулой и практически неизвестные современному читателю за пределами Румынии.

Интерес к Дракуле велик. Его имя ассоциируется с темными силами зла, однако мало кто задает себе вопрос, в чем же конкретно виновен Влад Дракула. В вампиризме? Думаю, никому не придет в голову серьезно говорить о восставшем из гроба мертвеце, а если рассматривать образ зловещего кровопийцы как нарицательный, то он вообще не имеет никакого отношения к валашскому князю. Дракулу «превратили» в вампира только в конце XIX века, а до того, на протяжении четырех столетий, не существовало ни одного фольклорного предания, где Дракула предстал бы в образе упыря.

Другое обвинение, выдвинутое против князя, звучит более серьезно. Дракулу призывали называть одним из самых жестоких правителей средневековья, великим извергом, истребившим за время своего правления десятки тысяч человек. Это обвинение базируется на трех якобы независимых источниках: германских первопечатных брошюрах и некоем германском же анонимном манускрипте, свидетельствах венгерского летописца Антонио Бонфини и русской «Повести о Дракуле». Все перечисленные произведения во многом сходны между собой, что и позволило некоторым историкам сделать вывод, будто они имеют дело с независимыми источниками в разных странах, рассказывающими об одних и тех же реальных событиях. Однако эту точку зрения опровергает сопоставление времени и обстоятельств появления текстов. Нетрудно проследить, что все порочащие Дракулу рассказы восходят к венгерскому королевскому двору и лично королю Матьяшу, любившему рассказывать заезжим иностранцам о своем пленнике, много лет находившемся в венгерской тюрьме. Кстати обстоятельства странного ареста Дракулы ярче всего описал Антонио Бонфини: *«Король перешел Альпы, как говорят, для того, чтобы освободить из рук турок Дракулу /.../ Придя туда, он, не знаю по какой причине, ибо никто вполне этого не понял, захватил Дракулу в Трансильвании, другого же Дракулу (Раду Красивого, младшего брата Влада – авт.), назначенного в эту провинцию турками, вопреки всеобщему ожиданию, утвердил: этого же привел в Буду пленником и держал десять лет в заточении»*. На самом деле причина ареста была банальна. По свидетельству того же Бонфини, Матьяш получил от папы Пия II сорок тысяч гульденов на проведение крестового похода, но не использовал эти деньги по назначению и переложил вину за сорванный поход на своего вассала Дракулу, заодно обвинив его во всех смертных грехах.

«Исповедь Дракулы» – это не только подробный рассказ, освещающий все периоды жизни Влада Воеводы, но и книга-расследование, на страницах которой представлена реконструкция действий короля Матьяша, намеренно оклеветавшего князя. Предвижу, что мой роман может вызвать полемику и показаться достаточно спорным, однако, работая над произведением, я опиралась на труды таких известных авторов, как Р. Флореску, Н. Иорга, Я.С. Лурье, И. Богдан, Б. Кымпина, используя документальные свидетельства, представленные

на страницах их научных исследований. Различие состоит лишь в том, что я иначе интерпретировала эти факты, сделав на их основе выводы, часто не совпадающие с мнением историков и противоречащие сложившейся за последние сто лет тенденции демонизации образа Дракулы.

Так кем же был на самом деле Влад Дракула – героем или злодеем? Решайте сами...

Елена Артамонова

Часть первая. Донос

1462 год

Трансильвания, замок Кенингштейн, 26 ноября 1462 года

За узким оконцем бушевало осеннее ненастье. Порывы злого ветра, проникавшие сквозь щели оконного переплета, заставляли трепетать пламя свечи, неровным светом озарявшей просторную комнату. Несмотря на поздний час, человеку за столом было не до сна. Перед ним лежал чистый лист бумаги и несколько в досаде сломанных перьев. После долгого раздумья мужчина подался вперед, обмакнул перо в чернила и... застыл неподвижно, вновь усомнившись в целесообразности принятого решения – лично обращаться за помощью к Ватикану было рискованно, поскольку это могло вызвать гнев и без того рассерженного венгерского короля.

Задумавшись, князь машинально обхватил лоб ладонью и тут же поморщился – прикосновение к недавно затянувшемуся шраму причиняло сильную боль. В больших темно-зеленых глазах мелькнуло раздражение. Все складывалось совсем не так, как он планировал, с каждым днем дела шли все хуже, а причиной тому были – глупость, корысть и страх окружающих его людей.

Мужчина вновь склонился над бумагой, и золотистый свет свечи озарил его лицо. Князь был молод, силен, обладал привлекательной внешностью. Высокий лоб, лежавшие правильными дугами брови, длинный тонкий нос с красиво очерченными ноздрями, завитые по последней моде усы и длинные локоны, падавшие на плечи, выдавали в нем аристократа, привыкшего в любой ситуации следить за своей внешностью и держаться с подобающим его происхождению достоинством. Но не тонкие надменные черты делали незабываемым лицо князя – взгляд выразительных глаз, в которых отражалась буря эмоций и незаурядный ум, западал в душу каждого, кто встречался с этим человеком.

Так и не написав ни строчки, князь переломил еще одно перо, откинулся на спинку кресла, созерцая трепетный огонек свечи. А дождь за окном шумел все громче, ветер пел на разные голоса, пророча новые беды и несчастья...

Неспавшего суровой осенней ночью человека звали Влад Дракула¹. Он был тем самым Дракулой, что осмелился бросить вызов Османской империи, впервые за много лет атаковав грозного врага на его территории. Он был тем Дракулой, что едва не убил, а затем обратил в бегство самого Мехмеда Завоевателя, заставив его убраться с валашской земли. Он был тем, кого прочили в освободители святого града Константина... Но теперь удача отвернулась от князя, а следовавшие одно за другим предательства друзей и соратников повергали в отчаянье. Лишившись своей армии, Влад вынужден был бежать в Трансильванию, где его ждал могущественный союзник – венгерский король Матьяш Корвин, пусть и с опозданием, но все же пришедший на помощь Валахии. Поддержка Венгрии в корне меняла ситу-

¹ Большинство современных историков называют Влада III Цепешем, а не Дракулой, хотя румынское прозвище Цепеш (Тереş – от румынского țereş – кол, букв. – Протыкатель, Сажатель-на-кол) впервые было упомянуто только в 1508 году, спустя тридцать два года после гибели Влада. А вот прозвище Казыклы (турецкий аналог слова «Цепеш») князь получил от своих врагов еще при жизни. Так называли воеводу боявшиеся и ненавидевшие его турки. Однако в самой Валахии и в других христианских странах он был известен исключительно как Дракула. Наиболее точная форма написания этого имени – Дрэгуля (Драгула), но по сложившейся в России традиции Влад фигурирует в романе как Дракула.

ацию, и теперь вместо неравного противостояния между маленькой Валахией и Османской империей военная кампания могла стать началом крестового похода, главной целью которого многие, в том числе и сам Влад, видели освобождение Константинополя. Таковы были надежды...

Действительность оказалась иной. В начале ноября находившийся в Брашове Матьяш принял своего вассала, но встречу эту трудно было назвать приятной – впрочем, валашский князь и не надеялся на теплый прием. Несмотря на то, что летом Влад совершил невозможное и в одиночку остановил превосходящую в несколько раз по численности турецкую армию, он все же проиграл войну, и никакие аргументы, объясняющие поражение, не могли изменить этого факта.

С тех пор как, перейдя Карпаты, Влад остановился в Турну-Рошу, минул почти месяц бесплодных переговоров с венгерскими посланниками – король явно тянул время, преследуя свои, пока не ясные князю цели. И вот недавно Матьяш изъявил желание вновь лично поговорить со своим вассалом, назначив встречу в замке Кенингштейн, находившемся недалеко от Брашова. Медлить было нельзя, словно спохватившись, король настаивал на срочном приезде Влада, упрекая его в намеренном затягивании переговоров. Взбалмошность и дурной характер юного правителя не являлись ни для кого секретом, поэтому князь проигнорировал резкие выпады в свой адрес, обрадовавшись тому, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

Покидая Турну-Рошу, Дракула взял с собой сына, посчитав, что рядом с ним маленький Влад будет в большей безопасности, нежели оставшись в приграничной крепости. Во главе довольно большого вооруженного отряда князь без промедления двинулся в путь, но в Кенингштейне его ожидал неприятный сюрприз – настаивавший на срочной встрече Матьяш отсутствовал, и никто не знал, когда он соблаговолит приехать в замок. Ожидание затягивалось. После нескольких суток полной неопределенности измученный неизвестностью и не знавший, как быть Влад решил написать в Ватикан, – лично обратившись к папе Пию II, инициировавшему и финансировавшему так пока и не состоявшийся крестовый поход.

Письмо давалось с трудом. После ранения князя часто мучили головные боли, усилившиеся в ненастье, он никак не мог сосредоточиться и должным образом, в соответствии с этикетом, изложить свои мысли на бумаге. Ночь подходила к концу, а перед Дракулой по-прежнему лежал чистый лист бумаги. Сквозняк убивал свечу, она быстро таяла с одного бока, воск горячими слезами падал на стол...

Тихий, почти неуловимый шорох насторожил Влада. Он стремительно выскользнул из-за стола, схватил лежавший тут же на скамье меч, с которым в последнее время не расставался ни на минуту. Возможно, тревога была ложной, но сейчас, когда враги князя почувствовали его слабость, они могли нанести удар при первом же удобном случае. Дракула напряженно вслушивался в тишину ночи, нарушаемую лишь стуком водяных капель да шорохом трепавшихся на ветру ветвей. Слух не обманул князя – за дверью, ведущей в коридор, слышались тихие шаги и позвякивание оружия. Привычно легшая в ладонь рукоять меча придавала уверенность. Влад почувствовал себя намного спокойней, чем минуту назад, – теперь, когда будущее сводилось к коротким минутам боя, все стало простым и ясным. Князь умел и любил воевать, в самой сумасшедшей, безумной резне он не испытывал страха, с упоением отдаваясь азарту битвы. В бою не было места сомнениям, враг был врагом, а целью – победа. Его появление на поле боя внушало трепет, неистового Влада боялись все, и мало кто рисковал вступить с ним в единоборство.

Дверь распахнулась с грохотом, разбившим тишину ноябрьской ночи. В дверной проем было мало что видно, но Дракула заметил отблески факелов на латах находившихся в коридоре воинов. Вот толпа вооруженных людей расступилась, и в комнату вошел коренастый воин с огромными рыжими усами. Это был начальник служивших Матьяшу чешских наем-

ников Ян Жискра, еще вчера считавшийся возможным союзником Дракулы. Удар пришел не оттуда, откуда ждал его Влад – венгерский король до сих пор не входил в число его врагов.

Князь отступил на несколько шагов назад. Несмотря на то, что пришедшие за ним наемники были храбрыми и жестокими воинами, он и не думал сдаваться. Что бы ни затеял Матьяш, Влад не собирался покорно исполнять его волю. Шансы были где-то пятьдесят на пятьдесят. В соседней комнате находилась вооруженная охрана князя – надежные, проверенные люди, вместе с которыми он мог бы вырваться из любой западни. Стоило только Владу подать знак, как хрупкая тишина сменилась бы звоном металла, а каменный пол обагрили потоки крови. Страшная резня в замкнутом пространстве комнаты могла начаться в любую секунду. Глаза князя сверкнули огнем:

– Что вам надо?

Вместо ответа Жискра немного отступил, пропуская в комнату еще двух участников ночной драмы. Рослый богемец держал мальчика лет восьми, приставив к его горлу нож. Несмотря на испуг, похожий на Влада мальчонка не плакал, не пытался вырваться, лишь с ужасом, широко раскрытыми глазами смотрел на отца, понимая, что его жизнь зависит сейчас от решения этого единственного близкого ему человека.

– Отец... – почти беззвучно прошептал он.

Дракула боялся за сына, потому и не решился оставить его в Турну-Рошу, взял с собой, думая, что сумеет защитить мальчика, но тем самым подставил под удар и себя, и ребенка. Черная полоса измены и предательства еще не закончилась, и вот маленький Влад² попал в руки его врагов.

– Ты арестован по приказу его величества, короля Матьяша, – твердо произнес Жискра. – Брось оружие, князь, и следуй за нами.

Серебристое лезвие касалось нежной детской кожи. Их взгляды встретились, словно сцепились между собой. В огромных глазах мальчика плескалась отчаянье и мольба.

Клинок со звоном упал на каменный пол, и от этого звука вздрогнули все присутствовавшие в комнате.

– Делай, что должен, «союзник». Я в твоей власти, – Влад Дракула шагнул навстречу наемникам.

Трансильвания, замок Бран, 28 ноября 1462 года

Находившийся неподалеку от Кенингштейна замок Бран был важным стратегическим объектом, контролировавшим Рукэрский проход между Валахией и Трансильванией. Возведенная на обрыве и уходящая вглубь скалы тайными коридорами небольшая, но отлично укрепленная крепость являлась таможенной заставой, где размещался трансильванско-венгерский гарнизон. Прежде Влад не раз проездом бывал в Бране, но сейчас замок показался ему не таким, как обычно – зловещим, похожим на тюрьму. Перед глазами мелькнули холмы, поросшие лесом горы – деревья уже облетели, и потому склоны казались черными, а высокие ели напоминали устремленные в облачное небо башни... Впечатление было мимолетным – тусклый дневной свет померк, его сменил желтоватый полумрак горящих факелов. Идти по узкой, прорубленной в скале лестнице потайного хода было трудно, мешали цепи на ногах и постоянные толчки в спину поднимающихся сзади охранников. Дракула страдал не столько от физических неудобств – князь был выносливым, закаленным человеком, большую часть жизни проводившим в походах и умевшим не замечать неприятности, больше всего

² Автор русской «Повести о Дракуле» называет старшим сыном Дракулы Михаила, однако большинство историков склонны считать это утверждение ошибочным. По их мнению, старшим, незаконнорожденным сыном Дракулы был Влад, а Михня (Михаил) являлся вторым, рожденным в браке ребенком князя.

Влада мучило ощущение несвободы и беспомощности. Тяжелые цепи, сковывавшие руки и ноги, те побои, которые он уже успел получить от развеселых головорезов Жискры, не шли ни в какое сравнение с сознанием того, что он, князь Валахии, оказался в таких унижительных условиях. Все это напоминало ему события далекой юности, о которых Дракула старался не вспоминать, но прошлое возвращалось в виде растиравших запястья железных браслетов и грубой брани толкавшего в спину охранника.

Несмотря на то, что солнце было довольно высоко над горизонтом, из-за пасмурной погоды в комнате горели свечи. За столом сидел Томаш Бакоц – неприметный чиновник тайной канцелярии венгерского короля, участвовавший во всех раундах бесплодных переговоров и раздражавший Влада подчеркнутым раболепством и лстивостью. Теперь взгляд Бакоца был холоден и надменен. Он пристально, не мигая, смотрел на стоявшего посреди комнаты пленника, в уголках губ чиновника угадывалась легкая усмешка. Пауза затянулась, и постепенно Дракула начал испытывать гнев, – вот так стоять перед этим человеком было унижительно. Но, смирив гордыню, князь попытался сосредоточиться на главном – почему его арестовали? Какие обвинения мог предъявить ему Матьяш? Этот вопрос не давал ему покоя с первой минуты ареста, но пока Влад не мог найти ни одной веской причины, объяснявшей действия венгерского короля.

– Воевода Ладислаус Дракула, ты обвиняешься в государственной измене и заговоре против короля Матьяша.

– Что?!

– Не стоит оправдываться, у нас есть неоспоримые доказательства твоей вины.

– Это какая-то ошибка, – Влад сумел быстро взять себя в руки, заговорив уверенно и спокойно. Какова бы ни была истинная причина происходящего, он должен был не поддаваться эмоциям, взвешивать каждое свое слово, – я всегда был и остаюсь верен его величеству, преданно служу ему.

Бакоц поднялся со своего места, подошел к князю. Влад уверенно выдержал взгляд маленьких змеиных глазок. Он уже понял, что кто-то из врагов решил очернить его в глазах Матьяша и подбросил королю анонимку. Странно было другое – почему Матьяш всерьез отнесся к доносу и устроил спектакль с арестом и цепями. Король, а особенно его матушка, прекрасно понимали, что более верного союзника, нежели Дракула, им не сыскать, ведь политическая ситуация складывалась так, что князь Валахии был обречен верно служить семье Хуньяди. Томаш Бакоц помахал перед лицом Влада листами бумаги:

– А что твоя милость скажет относительно этих писем? В них ты прямо говоришь о том, что намереваешься свергнуть нашего короля.

– Я не писал никаких писем и не представляю, о чем идет речь.

– Ах, господин воевода, какой же ты лживый и лицемерный человек! Как можно обманывать нашего благороднейшего короля! Он так ценил тебя, называл любимым и преданным другом, доверял как самому себе, а ты предал его! Я прекрасно помню день восьмого ноября, когда мы продолжали переговоры о вступлении Венгрии в войну! Именно восьмого ты с такой страстью доказывал преданность его величеству, и в тот же день – кто бы мог подумать – тобою были написаны такие письма! Как, господин воевода, ты мог перевернуться на сторону султана?!

– Я не понимаю, о чем идет речь. Если тебя не затруднит, господин Бакоц, хотя бы ознакомь меня с содержанием этой фальшивки.

– Должно быть, у твоей милости провалы памяти! Хорошо, я напомним содержание написанных тобою писем. Одно из них адресовано турецкому султану, второе – Штефану Молдавскому. Ты просишь у султана прощение и...

– Мехмед бежал от меня, как побитая собака! Мне бы и в голову не пришло просить у него прощения, но даже если бы это произошло, я бы не мог рассчитывать на примирение, –

задета честь султана, и он бы никогда не вступил в переговоры со мной. К тому же он сделал выбор в пользу воеводы Раду, и любые мои просьбы о прощении стали бы гласом вопиющего в пустыне. Это абсолютно нелогично и нелепо. Такое мог выдумать только человек, совершенно не разбирающийся в политике.

Дракула оправдывался, хотя и понимал, что никакое красноречие не смогло бы переубедить человека, желавшего видеть его виновным. Но все же молчание могло выглядеть как признание собственной вины, а потому князю приходилось доказывать очевидное. Бакоц терпеливо слушал его речь, кивал головой, словно выражая согласие, но затем невозмутимо произнес:

– Тем не менее ты, господин воевода просил у султана прощения, унижался перед ним и в качестве примирения обещал отдать туркам Трансильванию и даже Венгрию! А еще захватить в плен его величество короля Матьяша!

– А тиару его преосвященства Пия II? Ее я не обещал султану? – не выдержал этого издевательства Влад.

– У тебя были и такие планы?

– Довольно. Где письма?

Бакоц услужливо протянул листки. Сковывающая руки цепь была короткой, затрудняла движения. Дракула бегло просмотрел письма, вернул их чиновнику.

– Эти письма написаны по латыни, не моей рукой и не подписаны. Такая фальшивка не может служить доказательством вины.

– А чем плоха латынь?

– Она неуместна. Если бы я действительно намеревался писать этим господам, то обратился бы к султану на греческом, а к Штефану на славянском языке. Тот, кто сфабриковал эту фальшивку, абсолютно не заботился о правдоподобии! Я требую встречи с королем! Мы с его величеством вместе посмеемся над этой историей.

Движение руки Томаша Бакоца было почти неуловимым, но зоркий взгляд наемника засек его, и жест послужил руководством к действию, – последовавший затем удар в челюсть был сокрушительным, однако Влад все же сумел устоять на ногах. Это был невысокий, но крепкий, тренированный мужчина, обладавший огромной физической силой. Его глаза вспыхнули яростью, но длинные ресницы скрыли обжигающий огонь.

– Я требую встречи с королем, – вновь проговорил он.

Следующего удара Дракула уже ждал. Он был скован по рукам и ногам, почти не мог двигаться, и все же сумел уклониться от стремительно приближавшегося к его лицу волосатого кулака. Промажнувшись, наемник по инерции подался вперед, и Владу удалось опустить сомкнутые в замок ладони на его загривок. Кандалы увеличивали силу удара, который и без того стал смертельным. Прежде чем упасть под ударами вбежавших в комнату стражников, князь успел сбить с ног еще одного наемника. Потом Дракулу пинали ногами рассвирепевшие охранники, пока не прозвучал негромкий голос Томаша Бакоца:

– Довольно. Мы еще не закончили разговор. Подведите его поближе.

Два стражника подхватили Влада под руки, подтащили к столу, за которым восседал Бакоц. По лицу пленника струилась кровь:

– Я не писал этих писем! И требую встречи с королем!

– Знаешь, господин воевода, твои доводы были весьма аргументированными. Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении документы выглядят неубедительно. Прямо скажу – обвинение вздорное, но есть способ придать ему значимость, ведь главный недостаток этих писем в том, что на них не стоит собственноручная подпись князя Валахии Влада Воеводы. Но это можно исправить. Вот перо, чернила – подпиши письма, и ты предстанешь перед судом. Наш король прославился по всей Европе своим великодушием и гуманностью – раскайся в содеянном, господин воевода, признай свою вину, моли о милосердии, и монарх

непременно помилует тебя. Ссылка, жизнь в каком-нибудь отдаленном замке под домашним арестом – единственное, что тебе грозит. Со временем все забудется, все станет по-прежнему... И потом, между нами говоря, тебе, твоя милость, некуда идти. Твой брат придет за твоей головой, твой любящий кузен поддержит его в этом начинании. Тебя спасет только гостеприимство его величества. Подпиши письма, и неприятности останутся позади.

Все оборачивалось хуже, чем мог предположить Влад вначале. То, что происходило с ним сейчас, могло происходить только с введом короля, а значит, Матьяш, вопреки здравому смыслу, был заинтересован в его аресте.

– Я не стану подписывать себе приговор. Вы ничего от меня не добьетесь. Я требую встречи с королем.

Бакоц устало махнул рукой, взял злополучные бумаги и направился к выходу. На пороге он остановился:

– Ладислаус Дракула, ты подпишешь письма. Непременно. Это только вопрос времени. И моли Бога, чтобы твоей персоной не заинтересовалась инквизиция. Уведите его.

Узкая лестница с крутыми ступенями вела в подвалы Брана, в глухое подземелье, надежно скрывавшее свои тайны. Оказавшись на голом полу темницы, князь окончательно осознал, что с той роковой ночи ареста для него началась другая жизнь. И теперь единственной целью Влада стало выжить, а для этого он не должен был позволить сломить себя.

Трансильвания, Медиаш, 12 декабря 1462 года

Венгерская армия, во главе с блистательным, прозванным льстецами «Справедливейшим» королем Матьяшем, возвращалась из Трансильвании домой, так и не вступив в бои с турецким войском, но захватив в плен своего верного союзника Влада Дракулу. С переменой мест для пленника ничего не менялось, везде – и в Бране, и в Брашове, и здесь, в Медиаше, было одно и то же: источающие могильный холод стены, бесконечные требования подписать сфабрикованные письма и боль, которую было трудно, но необходимо выдерживать. Впрочем, пока подручные Матьяша не смели пытаться пленника по-настоящему – знатное происхождение в какой-то степени защищало валашского князя от рук палачей. Все эти первые, самые страшные дни после ареста, когда человек еще не может смириться со своей судьбой, когда отчаянье захлестывает душу, а потеря свободы кажется непоправимой катастрофой, Дракула молился, думал и вспоминал. Он молил Господа даровать силы вынести все испытания, стремился постичь подлинные мотивы своего ареста, а порой невольно переносился в прошлое, и образы минувшего на время затмевали страшную действительность, окружавшую его.

В Медиаше королевского пленника, вопреки обыкновению, разместили не в подвале, а в высокой башне, и впервые со времени ареста, на какой-то миг Влад почувствовал себя ближе к свободе. Все дело было в узком оконце, сквозь которое виднелись крыши домов и горы, окружавшие город. Небо было серым, в воздухе парили редкие снежинки, некоторые залетали в зарешеченное окно-бойницу и падали Владу на лицо. Если бы он мог, то, наверное, до бесконечности смотрел на это небо, но после вчерашних побоев ноги сильно опухли, и долго стоять на одном месте было нелегко. Пришлось вернуться на подстилку в углу у дальней стены. Звякнули цепи. Все было похоже на затянувшийся кошмарный сон, и порой князю начинало казаться, что это происходит не с ним, а с кем-то посторонним, принявшим его имя и судьбу. Последнее время обстоятельства складывались так, что Влад Дракула вполне мог оказаться в турецкой темнице, но он никак не рассчитывал на венгерское «гостеприимство». Почему же Матьяш Корвин предал его? Из-за страха вступить в полномасштабную войну с Османской империей? Вполне вероятно, что он вел тайные переговоры с султаном и получил гарантии безопасности в обмен на арест Дракулы и признание

Радугу Красивого князем Валахии. Или все произошло из-за денег? Молодой король постоянно нуждался в деньгах... Он думает, что блеск золота может затмить его незнатное происхождение, поставить в один ряд с представителями правящих династий Европы. Сорок тысяч гульденов, ассигнованные папой на сорванный крестовый поход – большие деньги, а еще в распоряжении Матьяша оказалась валашская казна, которую Дракула увез с собой, покидая княжество. Что ж, если так, юный король шел по стопам своего отца, не брезговавшего грабежом в землях своих союзников.

Кулаки сжались сами собой. Приступ ярости, как огонь солому, охватил душу. «Мне нужна свобода – Матьяш не имел права бросать меня в тюрьму! – думал неподвижно сидевший у стены Дракула, за внешней бесстрастностью которого скрывалась буря эмоций. – Сколько дел осталось незавершенными, сколько проблем надо решить! Выбраться отсюда, избавиться от оков, жить, как жил прежде... За что? Несправедливо, глупо, преступно удерживать меня здесь! Глупый мальчишка сам не знает, что делает – только я могу защитить его королевство, а он рубит сук, на котором сидит... Абсурдно! Несправедливо!»

Темница была не самым подходящим местом для проявления гнева, но князь не мог совладать с яростным желанием выбраться отсюда. Всего лишь стена отделяла его от свободы, и если бы удалось сломать ее, сокрушить разбитыми в кровь кулаками, жизнь вернулась бы снова, и все стало бы, как прежде... Нет, не стена – людское вероломство и глупость... За что? Ответа не было.

Будущее страшило, но даже больше собственной судьбы Дракулу волновала участь сына. Князь часто вспоминал лицо мальчика во время их последней встречи в замке Кенингштейн. Влад станет настоящим мужчиной... Ни после смерти матери, погибшей на его глазах, ни во время тяжелейшего перехода через Карпаты он ни разу не заплакал, держался так, как и подобает настоящему мужчине, князю, наследнику престола. А ведь мальчонке еще не исполнилось восьми лет. Он в одночасье стал сиротой, потеряв мать и отца, остался один среди врагов. Венгры воспитают его в своей вере, попытаются сделать покорной марионеткой, исполняющей чужую волю. Княжеские дети в цене – им сохраняют жизнь, держат как птиц в позолоченной клетке. Так было и с отцом Дракулы, и с ним самим, так будет и с Владом...

Прошлое обладало странной силой. Оно вовлекало в водоворот минувших лет, отбрасывая назад, к началу пути. Мысли о сыне сменились воспоминаниями о собственном детстве, Влад забылся, перестав ощущать холод каменных стен и тяжесть цепей, как наяву увидев горячее солнце Сигишоары. Воспоминания о раннем детстве были обрывочными, но очень яркими, словно осколки разбитой мозаики. Мать Дракулы умерла, когда ему не исполнилось и двух лет, и в памяти не осталось ничего, связанного с ней. Иногда Владу начинало казаться, что он помнит прикосновения ее рук, ее глаза, но потом князь понимал – это самообман, детская фантазия, заменявшая реальные воспоминания. А вот родительский дом в Сигишоаре отлично отпечатался в памяти. Тогда он казался мальчику огромным, как целый мир. Владу запомнилось как старший брат Мирча водил его в главный зал, показывая украшавшие стены росписи и рассказывая невероятные истории об изображенных на них людях. Мирча пугал братишку, а потом и сам холодел от страха под неподвижными взглядами нарисованных на стенах воинов, и мальчики выбегали на улицу, едва не попадая под копыта толпившихся во дворе всадников, счастливые тем, что снова могли видеть небо и такой знакомый, четко вырисовывающийся на фоне неба шпиль расположенной рядом с домом башни. Мирча, который был старше Влада на три года, и кормилица, простая румынка по имени Олтя, выхаживавшая мальчика после смерти матери, стали первыми людьми, чьи образы отчетливо запечатлелись в его памяти. Отца брата видели редко, и он представлялся Владу таинственным воином, сошедшим с фрески из главного зала.

Отец Мирчи и Влада Влад Дракул был одним из незаконнорожденных сыновей валашского господаря Мирчи Старого, прямого потомка воеводы Басараба³, а в жилах их бабушки текла кровь знатного венгерского аристократа Томаджа, владевшего землями северной Трансильвании и озера Балатон. Отец провел юность при дворе императора Сигизмунда⁴, куда Мирча Старый отправил его в залог дружеских отношений со «Священной Римской империей». Юноша не мог пожаловаться на условия, в которых находился, – он очень многое узнал, общаясь с интересными людьми, получил отличное образование, здесь же познакомился с Яношем Хуньяди... Однако, когда он попытался покинуть двор Сигизмунда и бежать в Польшу, его поймали и вернули обратно, – несмотря ни на что, сын Мирчи Старого был пленником, не вольным распоряжаться своей судьбой. Дракул верно служил императору и за это получил пост командующего пограничными войсками в Трансильвании, ставка которых находилась в Сигишоаре, в том самом доме, где и родились Мирча с Владом. Поэтому первыми воспоминаниями мальчиков было бряцание оружия и блеск доспехов постоянно приезжавших в дом вооруженных мужчин. О своей матери Влад почти ничего не знал, отец никогда не говорил о ней с сыновьями, и братьям приходилось довольствоваться рассказами Олти. Кормилица говорила: мать мальчиков происходила из знатной семьи и удивляла своей красотой. Вместе с отцом они были великолепной парой, вызывавшей восхищение у всех, кто их видел. Олтя не раз повторяла, что Бог дал Владу глаза его матери...

Каждый представитель княжеской семьи имел право на валашский престол, а потому, когда после смерти Мирчи Старого началась ожесточенная схватка за власть, Влад Дракул принял в ней активное участие. Для победы необходимо было заручиться надежными союзниками, ведь все князья в Валахии приходили к власти либо с помощью венгерской, либо турецкой стороны. Незадолго до рождения своего второго сына, в начале 1431 года, Дракул вступил в созданный Сигизмундом «Орден Дракона» – полумонашеское-полувоенное братство, призванное защищать семью императора и бороться с неверными. Так Влад, сын Мирчи, получил прозвище Дракул. Оно перешло и к его сыновьям. Младшего Влада прозвали Дракулой, то есть – сыном Дракона, а недоброжелатели ухитрились переделать прозвище в – «сына Дьявола». Все из-за созвучия слов: на румынском *drag* – дьявол, и это напоминает слово *dragon*.⁵ Впрочем, Дракула никогда не судил отца за то, что тот принял столь странное имя. Как бы не называли его люди, Влад всегда стремился вести себя достойно, чтобы не запятнать честь своего рода, ведь правда состояла не в словах, а в делах, и если Дракон призван был служить Богу, значит, так и должно было быть.

Дракул получил формальное назначение на должность валашского князя, однако благословение Сигизмунда еще не означало открытую дорогу к трону. Претендент продолжал искать способы захвата власти, а его малолетние сыновья радовались жизни, не подозревая о заботах взрослых. Несмотря на то, что Дракул был наполовину венгром и большую часть жизни провел в Германии, своих детей он воспитывал в православной вере. Возможно, это была предусмотрительность, – в Валахии католик никогда бы не сумел получить власть, тем более – удержаться на троне. Олтя была первой, кто научил Влада молиться, и мальчика охватывал благоговейный восторг, когда он всматривался в строгие, но прекрасные

³ В начале XIV века в Мунтении (восточная Валахия) образовалось государство во главе с воеводой Басарабом. В документах того времени оно называлось «Румынской землей» или «Угровлахией», позже – Валахией. Басараб I (ум. 1352) стал основателем династии Басарабов, правившей в княжестве с перерывами в XIV–XVII веках.

⁴ Сигизмунд I Люксембург (венгр. Жигмонд) (1368–1437), король Венгрии с 1387 года, император «Священной Римской империи» с 1410 года. Сигизмунд возглавлял борьбу против гуситов и пытался противостоять Османской империи. В 1396 году под предводительством императора войска крестоносцев потерпели сокрушительное поражение в битве при Никополе.

⁵ Сам Дракула, учитывавший нюансы румынского языка, всегда писал свое прозвище через букву «g», о чем свидетельствуют все обнаруженные на сегодняшний день автографы князя. Известны три варианта написания слова, но все они имеют один и тот же корень «drag»: Dragwlya, Draghwlya, Dragkulya.

лики святых. В доме имелась своя маленькая церковь, однако в раннем детстве Влад никогда не посещал большие православные храмы, ведь Сигишоара была католическим городом. А мимо католических церквей мальчик проходил с опаской и испугом, ему казалось, там творится что-то страшное и неправильное. Огромные здания подавляли своей величиной, и мнилось, будто под темными сводами притаились все грехи и соблазны, способные погубить невинную душу. Сколько лет – бушующих страстями, кровавых, смутных, отчаянных – минуло с той поры, но Влад Дракула ясно помнил чувство благодати, снизошедшее на него, когда он, маленьким мальчишкой, впервые перешагнул порог кафедрального собора в Тырговиште. Помнил как слезы сами собой потекли из его глаз, а душа, покинув телесную оболочку, устремилась к самому Богу, – но это случилось позже, после переезда семьи Дракула в Валахию.

За два года до того, еще в Сигишоаре произошло очень важное событие, потрясшее мальчишек – отец привел в дом новую жену. Ею оказалась сестра Богдана Мушата – друга Дракула, впоследствии ставшего князем Молдовы. Влад был слишком мал, а потому принял ее без тени протеста. Иногда мальчик даже представлял себе, что Анна – его мать, и ему становилось хорошо, когда женщина трепала его по волосам. А вот Мирча, которому тогда исполнилось семь лет, пытался убежать из дома, за что был сурово наказан отцом, однако даже после экзекуции долго не желал признавать Анну. Но Господь дал ей кротость и терпение – мудрая женщина сумела сделать так, что дети полюбили ее. Потом родился Раду – очаровательный малыш, которого все называли золотоволосым ангелочком. Впрочем, Влад не разделял восторгов окружающих. Как только Раду немного подрос, вся ответственность перешла на среднего брата – он должен был заботиться и опекать младшего братишку, в то время как Мирча все больше времени проводил с отцом, и все чаще звучали слова: «Однажды парень станет наследником престола».

Иногда Влад почти ненавидел Раду, который таскался за ним по пятам, мешая участвовать в мальчишечьих забавах, – всякий раз, когда Влад собирался отправиться куда-либо со своими товарищами, малыш, словно якорь, повисал на его руке, смотрел в лицо огромными небесно-голубыми глазами и лепетал что-то на непонятном языке карапузов. И Влад вынужден был возиться с ним, играя в его детские игры, сплавлять по ручью кораблики-шишки, строить крепости из камешков и песка. Однажды, незадолго до отъезда из Сигишоары, произошел случай, изменивший отношение мальчика к младшему брату. Шустрый карапуз очень рано, еще до года научился ходить, и с этого момента удержать его на одном месте было просто невозможно. Выйдя из дома, Раду бодро зашагал по самому центру мостовой, когда раздался страшный грохот – лошадь, спускавшаяся по одной из улиц, понесла, и теперь груженная скарбом телега мчалась прямо на малыша. Позже Влад и сам не мог сказать, как удалось ему преодолеть разделявшее их расстояние, но в последний миг ему все же удалось выдернуть Раду из-под копыт испуганной лошади. Тогда Влад здорово разбил колени, но лежа на мостовой, не замечал боли – мальчик прижимал к себе онемевшего от испуга братишку, впервые почувствовав насколько тот ему дорог.

Вскоре Дракул покинул Сигишоару. Старший Влад добился своей цели – он стал князем Валахии, и теперь его семья должна была жить в столице княжества Тырговиште, во дворце, построенном самим Мирчей Старым. Столица потрясла сыновей нового князя – Тырговиште напомнил им город из сказок, которые любила рассказывать Олтя. Поражало воображение несметное число церквей и часовен, необычная, совсем не такая, как в Сигишоаре архитектура, великолепные сады, разбитые возле княжеского дворца и домов знатных бояр. В городе имелась целая сеть связанных между собой прудов, где можно было удить отличную форель и множество других развлечений, которыми Владу с Мирчей так и не удалось как следует попользоваться. Все время было занято учебой. Мирча начал свое обучение еще в Сигишоаре, а теперь этим предстояло заняться и Владу. Дракул хотел, чтобы его

дети, наследники престола, имели прекрасное образование, ничем не уступавшее европейскому, а возможно, даже превосходящее его. Сам он, живший при дворе императора Сигизмунда, знал толк в таких делах. Многие боярские семьи отправляли своих сыновей на учение в Константинополь, но отец пожелал, чтобы образование его отпрысков не отличалось от западного, ведь Валахия граничила с Трансильванией, а через нее и с остальной Европой, и дети князя Валахии должны были чувствовать там себя свободно. Потому он нашел для сыновей достойного учителя. Им стал один старый, как Мафусаил, но очень образованный и начитанный боярин, знавший, как казалось мальчишкам, ответы на все самые каверзные и сложные вопросы.

Лишь повзрослев, Дракула понял, как заботился о сыновьях отец, как много сделал для их образования и как важны были полученные в детстве знания. Старый учитель особое внимание уделял изучению языков, ведь без этого невозможно было обходиться политическому деятелю. Влад с Мирчей учили славянский – официальный язык в княжестве, латынь, необходимую для дипломатических корреспонденций, изучали основы итальянского и французского, продолжали совершенствовать свои знания немецкого и венгерского языков, с которыми познакомились еще в Трансильвании. А еще им приходилось зубрить церковное и светское право, историю и другие науки, необходимые будущим князьям. Мирча учился сосредоточенно и целеустремленно, он уже видел себя помощником отца, в будущем – соправителем княжества, а Владу, хотя науки давались легко, больше нравились спортивные тренировки. Огромное удовольствие доставляла ему верховая езда. Конь слушался малейшей команды юного наездника, кажется, даже мысли, они становились единым целым с этим сильным стремительным существом, и мальчик посылал скакуна вперед, заставляя делать почти невозможное. Порой Влад очень рисковал, несколько раз сильно разбивался, вылетая из седла, но это только разжигало азарт, заставляло вновь и вновь повторять неудавшиеся трюки. А еще было фехтование, плавание, стрельба из лука, братья учились пользоваться любым оружием, изучали приемы рукопашного боя, правила рыцарских турниров. Кроме всего этого постоянно велись нудные занятия по этикету и манерам, вгонявшие в тоску и Мирчу, и Влада. Но отец говорил, что не хочет краснеть за своих сыновей, и они старались оправдать его доверие и на этом поприще...

Лицо сидевшего у дальней стены человека просветлело. Воспоминания возвращали свободу, и хотя тело находилось в мрачной и холодной башне, возвышавшейся посреди Медиаша, душа перенеслась в дальние дали залитого солнечным светом детства. Дракула чувствовал сладкий запах прекрасных цветов в садах Тырговиште, видел безмятежное синее небо. В памяти явился учебный поединок с Мирчей, Влад ощутил радость и гордость от того, что в руке впервые оказался настоящий, а не деревянный меч, увидел блеск солнца на клинках. Бой получился коротким – Мирча в два счета обезоружил брата. Выронив меч, Влад поскользнулся, упал в траву, и большие синие колокольчики раскачивались прямо у него перед глазами. Кажется, они звенели... Все происходило будто сейчас, вот только лицо Мирчи застилала густая дымка, и Дракула никак не мог разглядеть сквозь нее черты брата.

Первая беда, нарушившая безмятежную жизнь княжеских детей, пришла вместе с осенними холодами. В тот день трое мальчишек с напряжением ждали, гадая, что же происходит на женской половине дворца. Они знали, что Анна должна подарить им братика или сестренку. Время шло, и даже маленький Раду не хотел ложиться спать, ожидая, что будет с его мамой. Когда Влад увидел мрачное лицо вышедшей из комнаты Олти, то понял – случилось нечто нехорошее. Предчувствие не обмануло: маленькая девочка, сестренка Раду родилась мертвой, ее задушила обмотавшаяся за шею пуповина. Анна не надолго пережила свою дочь – послеродовая горячка убила ее за неделю. Когда Влад стоял у постели умирающей женщины, заменившей ему мать, то чувствовал, что готов разреветься, как несмышленный ребенок, но все же сумел сдержать слезы – ведь мужчины не плачут.

После похорон Анны отец помрачнел. Сыновья думали, что это связано со смертью жены, однако во всем была виновата политика. Валахия всегда находилась между двух огней, между двух сильных государств, каждое из которых считало ее своим вассалом, однако ничего не делало для ее защиты. Князья вынуждены были лавировать между Сциллой и Харибдой, сближаясь то с одной, то с другой стороной, уметь находить равновесие, баланс сил, выгодный для княжества. В этом и состояло важное, наиболее сложное искусство управления страной.

Дракул верно служил Сигизмунду, но после смерти императора положение в Венгрии стало нестабильным, и ему пришлось идти на союз с Османской империей. Так продолжалось до тех пор, пока в Трансильвании не пришел к власти новый воевода Янош Хуньяди. Хуньяди и Дракул хорошо знали друг друга, они познакомились при дворе Сигизмунда, вместе участвовали в военных операциях. Янош приобрел известность еще во время гуситских войн, безжалостно истребляя еретиков. Возможно, он был хорошим воином, но корысть и стремление к наживе порой заставляли его действовать вопреки совести, а иногда – и здравому смыслу. Его солдаты грабили все, что попадалось на пути, даже когда двигались по землям союзников. Янош был крут, скор на расправу и обладал большой армией – с таким воеводой трудно было спорить. Он потребовал от валашского князя разорвать отношения с Портой⁶ и стать союзником Трансильвании. Однако Дракул заявил, что будет соблюдать нейтралитет, не вмешиваясь в ход событий.

Печальные последствия этого решения не заставили себя долго ждать. Весной сорок второго года войска Мезид-бей пересекли Валахию, беспрепятственно проследовав в Трансильванию. Поход оказался неудачным – турецкие войска были разбиты под Сибиу, а сам Мезид-бей погиб. Янош был взбешен и, разгромив османов, двинулся на Валахию, намереваясь сместить непокорного князя и поставить на его место воеводу Баса-раба, принадлежавшего к враждебной Дракулу семье Данешть, также имевшей права на престол.

Положение стало критическим. Когда Дракул сказал, что впереди всех ждет дальняя дорога, юный Влад просто не мог поверить в такой поворот событий. Его отец был князем, которому повиновались все знатные бояре, он вершил суд, его решения становились законом, и вдруг он, как преступник, тайком удирал из княжества, спасая свою жизнь. Тогда Влад еще был слишком мал, чтобы понять как эфемерна и непрочна власть валашских князей. Путь изгнанников лежал в Турцию...

Звон ключей прервал воспоминания. Прошлое казалось таким близким, реальным, но тихое позвякивание железа где-то в конце коридора мгновенно вернуло узника в сегодняшний день. Перед глазами вновь возникли неоштукатуренные стены камеры, забранное толстыми прутьями оконце. Тюремщики приближались. Сердце стучало все громче, заглушая шум шагов. Дракула понимал – сейчас его снова поведут на допрос, начнут выбивать необходимое им признание. Ощущение собственной беспомощности было невыносимо. Князь инстинктивно подался назад, вжался спиной в холодную стену, ожидая того момента, когда откроется дверь. Там, в коридоре, медлили, палачи отлично знали, что испытывают их жертвы в такие минуты... Влад стиснул кулаки и со словами молитвы на устах приготовился встретить очередное выпавшее на его долю испытание.

⁶ Порта, Блистательная Порта – принятое в Европе название правительства Османской империи.

1463 год

Ватикан

«Если со смертью тела гибнет душа, как ошибочно полагал Эпикур, слава ничем не способна ей помочь: если же она живет и после освобождения от телесного бремени, что утверждают христиане и вместе с ними благороднейшие философы, то либо испытывает горькую участь, либо соединяется со счастливыми духами. Но в несчастье ничего не приносит наслаждения, даже слава, а совершенное счастье блаженных не умножается хвалою и не уменьшается хулою смертных. Почему же тогда мы так стремимся к славе доброго имени?..»

Взгляд скользнул по рукописи, поднялся выше, на миг остановившись на драгоценных фландрских коврах, украшавших стены, переместился на высокие своды, мерцающие позолотой фресок. Понтифик задумался. Скупой луч зимнего солнца упал на пурпурный бархат облачения, выхватил из полумрака профиль немолодого обрюзгшего человека с длинным носом, вздувшимися на висках венами, большими выпуклыми глазами и тонким, плотно сжатым ртом. На этом лице оставили свои следы пороки и болезни, сопровождавшие бурную, полную интриг и соблазнов жизнь.

Недолго пробыв в задумчивости, папа вновь обратился к предисловию своих мемуаров, оценивая, насколько он приблизился к совершенству формы, сколь удачно складываются в неповторимый узор полнозвучные латинские слова. Пий считал красноречие главным своим оружием и верил, что для того, кто владеет этим даром, в жизни поистине нет преград. Его собственная судьба тому подтверждение, – думал ли прославленный поэт Энеа Сильвио Пикколомини, когда император Фридрих III возлагал на его чело венок поэта, что, спустя не так уж много лет, он сменит этот венок на папскую тиару и станет главой церкви?⁷ Поистине, неисповедимы пути Господни...

Но сущность человека оставалась прежней, вне зависимости от того, какое положение он занимал. Папа Пий II, так же как и поэт Пикколомини, не мог не писать – с юных лет он привык доверять свои сокровенные чувства и мысли бумаге, жить в собственном мире, сотворенном его же пером. Ныне, став главой Римской церкви, он задумал создать мемуары «*Записки о достопамятных деяниях*», в которых рассказывалось и о его жизни, и о важнейших политических событиях, достопримечательностях, увиденных во время долгих странствий, обо всем, что в той или иной мере волновало его душу. Обычно папа диктовал свои заметки писцу, почти не редактируя готовый текст, однако собирался серьезно проработать начало книги, ее первые строки были очень важны, ведь именно по ним судил читатель о мастерстве автора. Здесь Пий демонстрировал свое непревзойденное красноречие, умение изъясняться сложными, но безукоризненно выстроенными фразами. С самого начала, только-только задумав «*Записки*», он решил писать о себе в третьем лице – такая форма повествования позволяла отказаться от вынужденной скромности суждений и прямо высказывать то, что понтифик думал об окружающих и о значении собственной личности. Пий начал работать над «*Записками*» летом прошлого года, на данный момент они уже состояли

⁷ До начала своей церковной карьеры Пий II был известен в Европе как видный дипломат, поэт и писатель, автор многочисленных художественных произведений, зачастую носивших фривольный характер. После восшествия на папский престол Пий II продолжал видеть своим главным союзником Германию, поддерживая хорошие отношения с императором Фридрихом III.

из нескольких книг, но это было лишь началом огромного труда. Взгляд вновь скользнул по строкам предисловия:

«Покуда Пий II живет среди нас, его порицают и осуждают, когда угаснет, его же будут прославлять и о нем будут тосковать, тогда как он будет уже недосыгаем. После его кончины утихнет зависть, и когда сгинут суетные чувства, расстраивающие рассудок, возродится истинная слава и определит Пию место среди знаменитых первосвященников...»

Пий отодвинул исписанные листы. Действительно, ему было вовсе не безразлично, каким предстанет он в глазах потомков, сумеют ли они по достоинству оценить его заслуги. Пока все складывалось против Пия. Он почти чудом стал понтификом, и хотя это событие произошло еще в 1458 году, град критики не утихал и по сей день. *«Неужели мы посадим на место Петра поэта и будем управлять церковью по законам язычников?»* – вопрошали враги нового папы римского. Ему не могли простить его прошлое, авторство фривольных произведений, дружбы с гуманистами, антипапой Феликсом⁸ и германским императором Фридрихом⁹. Хищная свора в красных мантиях только и ждала, когда понтифик оступится, чтобы разорвать его на части. Взойдя на папский престол, Пий первым делом возвестил Европе об опасности, угрожавшей ей, и пытался убедить христианских правителей объединить их усилия против османов. На соборе, созванном в Мантуе в 1459 году, присутствовали депутаты многих стран, уже вступивших в боевые действия или только подвергавшихся угрозе вторжения. Там раздавались пламенные речи, говорилось о бедствиях, которые терпели христиане под гнетом неверных. Эмоций было много, как и пустых слов, сотрясавших воздух. Сам папа активно выступал против равнодушия тех, на кого Бог возложил защиту христианства, доказывая, что правители разных стран должны забыть о разногласиях и недоверии друг к другу, дабы объединиться в борьбе с общим врагом. Он собирался возобновить крестовые походы, сделать то, что не удалось папе Евгению IV, настойчиво призывал к единению христиан в борьбе с турецкой опасностью. Против такой точки зрения никто не возражал, но вот уже минуло три года, а результаты папских усилий трудно было назвать плодотворными. Для финансирования крестового похода требовались деньги, и после долгих раздумий Пий все же повысил налоги, чем вызвал большое недовольство граждан Рима. Из-за финансовых проблем начало похода пришлось откладывать несколько раз, и вот стало известно, что султан опередил крестоносцев, напав на Валахию. Пий подумал, что ему следовало прислушаться к страстным мольбам валашского князя, еще зимой умолявшего как можно скорее объединить силы христиан для решающего удара. Но папа принял решение о сборе денег только в начале мая, когда султан во главе огромной армии уже выступил из Константинополя, намереваясь покарать непокорную Валахию, и участь маленького княжества была практически предрешена. Теперь турецкая армия стояла у границ Трансильвании...

Папа отложил рукопись, поднялся из-за стола, прохаживаясь по комнате. Мысли о сиюминутной политической ситуации убили вдохновение, вернув на грешную землю. На самом деле положение было очень серьезным, и только он – наместник Бога на Земле, папа Пий II, мог защитить христианский мир от нависшей над ним угрозы. Но как?

Вошедший в папские покои молодой прелат доложил о полученном из Буды¹⁰ донесении. Весть была долгожданной. Пий с несвойственной его возрасту и положению быстро-

⁸ В 1439 году не имевший никакого отношения к духовенству Амадей Савойский был избран папой на Базельском соборе. Его полномочия признали не во всех странах, что привело к расколу в церкви. В 1449 году Феликс V отрекся от папства и умер в монастыре, успев до того прославиться распутным образом жизни. Одно время секретарем Феликса V был Энеа Сильвио Пикколomini.

⁹ Фридрих III (1415–1493), германский король из династии Габсбургов, с 1440 года император «Священной Римской империи».

¹⁰ Буда – начиная с середины XIV века, столица Венгерского королевства. В 1873 году Буда, Обуда и Пешт объединились

той поспешно вскрыл письмо, начал читать. С каждой минутой его лицо становилось все мрачнее и мрачнее. Вести из венгерской столицы были недобрыми.

– Что случилось, откуда пришли дурные новости?

Давний друг понтифика, кардинал Николай Кузанский¹¹, входил в покои папы запросто, без приглашений, словно в те старые добрые времена, когда они весело проводили время в философских беседах, состязаясь в красноречии, пили доброе вино и любили красивых женщин. Пий не ответил, не поднял головы, сосредоточенно вчитываясь в донесение папского посланника.

– Что случилось? – повторил кардинал, нарушая недоброе молчание.

– Модрусса сообщает об аресте Дракулы. Венгерский король схватил его, обвинив в тайной переписке с султаном. Говорят, что Дракула обсуждал с Мехмедом возможность захвата Матьяша.

– Я бы назвал это неудачной шуткой.

– Мне не смешно, Николай. После похода валашского князя на территорию оккупированной турками Болгарии этой зимой, после его блестящей победы и освобождения христиан, казалось, что в Европе появился лидер, способный вести в бой крестоносцев и даже, кто знает, – освободить Константинополь. Среди правителей других стран нет никого, кто действительно умеет воевать с турками. Короли трусят, короли заняты интригами, они пируют, когда их дом горит. Дракула иной – он четко осознает свои цели и готов мертвой хваткой повиснуть на горле врага. Султан боится его. Мехмед и Дракула – равные противники, они стоят один другого. Так я, во всяком случае, полагал до последнего времени... – Пий умолк, сообразив, что по инерции слишком горячо защищает валашского князя.

– Да, я помню всеобщий восторг по поводу побед князя этой крошечной Валахии. У нас жителей его страны начали называть *draguli* в честь их бесстрашного князя. Толпа легко восторгается и так же легко проклинает. Тогда мне действительно казалось, что произошло невозможное. Мало кто решился бы напасть на Османскую империю, а Дракула сделал это в одиночку и, как ни странно, одержал довольно значительную победу. Он считается непримиримым борцом с османами. И что же теперь, когда последовал ответный удар, он сдался и перешел на сторону султана?

– Получается, так. Проблема состоит в том, что его можно было назвать моим протеже, по сути, он рассматривался как неформальный лидер крестоносцев, именно под его кандидатуру я выделил деньги на крестовый поход, и что он...

– Православный.

– Будь уверен, мои враги обязательно напомнят о его вероисповедании! Говорят, что Дракула когда-то уже собирался перейти в католицизм, но так и не сделал этого. Я призывал к объединению всех христиан, говорил, что в данной ситуации различия в вере не столь существенны, а в результате оказался в нелепом положении...

– Деньги уже перечислены?

– Да. Я отправил королю Матьяшу сорок тысяч гульденов.

– Немало, – Николай Кузанский только покачал головой. – И что же теперь с ними будет?

– Пока не ясно. Но крестовый поход придется отложить.

– А если это чья-то интрига? Может быть, дела в Буде обстоят совсем не так, как это хотят представить? Дракула – непримиримый борец с османами, это знает вся Европа и

в один город Будапешт.

¹¹ Николай Кузанский (1401–1464) философ, теолог, ученый, друг и ближайший советчик Пия II, разработавший так и не осуществленные до конца реформаторские планы папы.

поверить, что он в одночасье переменялся, превратившись из льва в трусливую собачонку, сложно. Надо бы посмотреть его письма к султану.

– Да... – в голосе понтифика неожиданно зазвучало равнодушие. – Я прикажу Модруссе провести расследование. Но к каким бы результатам оно не привело, завистники не простят мне того, что я активно поддерживал исповедующего православие князя.

– Пусть Модрусса получше вникнет в это дело. Мне кажется, здесь не все так просто, как на первый взгляд.

– Может быть, – откликнулся Пий II, задумчиво теребя золотую кисть портьеры. – Но мне надо думать о проблемах сегодняшнего дня. Надежда на чудо и победы Дракулы – перевернутая страница.

Венгрия, королевский дворец в Буде

Король Венгрии Матьяш Корвин гордился своей библиотекой. Всякий раз, когда он входил в обитель знаний и окидывал взглядом бесчисленные стеллажи с книгами, сердце его наполняла гордость. Он начал собирать библиотеку не так давно, но уже успел обзавестись редчайшими, поистине бесценными экземплярами, за которые без сожаления расплачивался звонкой монетой. Стоявшие на дубовых полках произведения античных авторов мирно соседствовали с трудами отцов церкви, трактаты схоластов с любовной лирикой, – король приветствовал многообразие жанров, равно как и внешнее богатство оформления книг. Потому большую часть его собрания составляли великолепно иллюстрированные манускрипты, заказанные в Италии. Скупой от природы Матьяш принципиально не жалел денег на коллекционирование, намереваясь собрать лучшую в мире коллекцию, превосходящую даже библиотеку Ватикана.

Смеркалось. Свечи в дорогах, отделанных венецианским стеклом канделябрах бросали отблески света на тисненные золотом корешки книг. Холод пронизывал помещение, и Матьяш плотнее закутался в подбитый мехом плащ. Король был еще очень молод, ему исполнилось только девятнадцать лет, но уже четыре года он носил на своей голове венгерскую корону. Это был молодой человек с нездоровым, склонным к полноте лицом, пристальным взглядом небольших глаз и надменным выражением рта. Несмотря на свой возраст, появившийся над верхней губой Матьяша пушок никак не желал превращаться в усы, и тайне это очень тревожило и печалило короля. Он с трудом скрывал зависть, глядя на своих сверстников, уже успевших обзавестись растительностью на лице, постепенно начиная понимать, что вряд ли когда-нибудь сумеет стать обладателем пышных усов и бороды. Впрочем, Матьяш был изобретательным человеком с фантазией, большим выдумщиком, а потому ему пришла в голову отличная идея, кстати, соответствовавшая всем его остальным действиям. Король Матьяш I любил представлять перед своим двором, а особенно позировать художникам, в образе римского императора древности с лавровым венком на челе, и такое подражание цезарям вполне объясняло отсутствие усов на лице короля. Порой Матьяш и сам начинал убеждать себя в том, что принял такой облик специально, однако не только гладкий подбородок, но и другие, более серьезные проблемы, заставляли его мрачнеть среди веселья, задумываясь о своей дальнейшей судьбе...

Наверное, только здесь, в просторном зале библиотеки, король отдыхал от забот, чувствовал себя счастливым человеком, всецело погружаясь в изучение бесценных фолиантов. Во время длительных отъездов Матьяшу очень не хватало его любимых книг, и теперь, вернувшись из трудного путешествия в Брашов, он долгие зимние вечера проводил, уединившись в своей библиотеке. Поездка заняла столько времени, холод зимних дорог и прочие неудобства здорово измотали его, и королю хотелось расслабиться, вознаградив себя за многочисленные трудности долгого перехода вместе с армией.

Бесшумно вошел слуга с кубком дорогого вина на золотом подносе и так же бесшумно удалился. Матьяш достал с полки стопку документов. Формально они не шли ни в какое сравнение с бесценными фолиантами, хранившимися в его библиотеке – подлинными сокровищами, которыми гордился бы каждый коллекционер, но именно эти опусы тешили душу короля. В стопке лежали протоколы допросов подозреваемых в связи с дьяволом женщин, дешевые гравюры, запечатлевшие казни и загробные мучения грешников, иллюстрированные описания различных пыточных инструментов, позволявших развязать языки упрямым ведьмам.

«Затем ее раздели, зажали на правой ноге испанский сапог, подняли на воздух и секли в две розги. Когда она обещала добровольно признаться, ее спустили и раскрутили болты. Но ее слова оказались двусмысленны; ей надели на левую ногу тиски, довольно сильно сдавили, немного приподняли, еще раз закрепили винты, натянули веревку, и она повисла в воздухе на связанных за спиной руках. Ее стали сечь розгами. Когда ее опустили вниз, она опять все отрицала, и тогда ее так долго заворачивали, растягивали и били розгами, что она, наконец, во всем призналась».

Язык протокола был скупым, фразы – точными, но отстраненными. Писец фиксировал только манипуляции, совершаемые палачом, однако обходил вниманием поведение ведьмы. Зато у короля было богатое воображение. Откинувшись в кресле, он представлял сцену допроса. Вот красивую полногрудую девушку вталкивают в пыточную камеру, срывают с нее одежду, оставив нагишом, вот палач туго скручивает ей руки за спиной, веревка впивается в нежную кожу, девушка, парализованная ужасом, даже не пытается сопротивляться, ее затравленный взгляд мечется по камере, натываясь на жуткие инструменты, которыми долгими часами будут терзать ее упругую молодую плоть...

Матьяш поднес к глазам лист с изображенными на нем орудиями дознания. Из всего многообразия инструментов его сразу же привлекли столб для насаживания и «деревянная кобыла» – клинообразная скамейка, на которую усаживали голую ведьму. Ноги злодейки не доставали пола, острый клин медленно входил в промежность, а палачи в это время держали ведьму за лодыжки и тянули в стороны, чтобы шлюха дьявола не могла стискивать коленями бока «кобылы», тем самым уменьшая свои вполне заслуженные мучения.

По телу расплзалась жаркая волна, сердце застучало быстрее. Лица ведьм на гравюрах были нарисованы весьма условно и постепенно сквозь штрихи рисунков стали проступать черты Екатерины, жены Матьяша. Фантазии и реальность порой пересекались, но то, что мог позволить себе король в действительности, было лишь жалкой тенью образов, рожденных распаленным воображением. Беспомощность и страх безраздельно принадлежавшей ему женщины возбуждали короля, он удовлетворял свои плотские желания в извращенной форме, хотя, как правило, не достигал того наслаждения, что испытывал, одиноко коротая вечера в библиотеке. Если бы Матьяш мог подвергнуть Екатерину тем пыткам, что описывались в протоколах допросов ведьм, если бы это красивое тело познало боль от раскаленных щипцов и крючьев, рвавших кожу, то, наверное, впервые он почувствовал бы себя настоящим мужчиной. Если бы... Но Екатерина являлась законной супругой короля, все происходило в Буде, на глазах десятков свидетелей, среди которых было множество иностранцев, а потому Матьяшу приходилось блюсти собственную репутацию. То, что творилось за плотно закрытыми дверями королевской опочивальни, было тайной, известной очень небольшому кругу лиц, которую блюли как главный государственный секрет. Свидетели словно онемели и ослепли, а сама жертва хранила молчание. Матьяш не боялся, что Екатерина пожалуется на сложившееся положение своему отцу, королю Чехии Подебраду¹² – ей

¹² Иржи Подебрад (1420–1471) – чешский король с 1458 года, стремился к независимости и укреплению своего государства, в 1466 году был осужден папой Павлом II как еретик.

не позволили бы стыд и страх, ведь она прекрасно знала, как могущественен клан Хуньяди-Силади, знала, что ее судьба давно принесена в жертву политическим интересам сильных мира сего.

Жизнь вернулась в привычное русло, неудобства и риск военного похода остались позади, но сегодня, в этот тихий зимний вечер, когда дворец, казалось, заснул и никто не смел нарушить покой уединившегося в библиотеке короля, Матьяш, при-даваясь своим порочным фантазиям, никак не мог избавиться от тревожных мыслей, возвращавших его в реальность. Созерцание орудий пыток не только возбуждало его, но и заставляло думать о делах менее приятных. Наконец король отложил протоколы, встал, подошел к окну, долго смотрел в темноту, словно силился увидеть там ответ на занимавший его вопрос. План, казавшийся идеальным, рухнул, и теперь, когда его матушка все еще находилась в своем родовом замке в Трансильвании и не могла дать ему полезного совета, Матьяш чувствовал себя крайне неуверенно.

Модрусса был слишком настойчив. С первых дней возвращения короля в столицу папский посланник постоянно интересовался судьбой Дракулы, задавал вопросы, на которые Матьяш не мог дать вразумительного ответа. За всем этим стоял папа, а шутки с Ватиканом не кончались добром ни для кого, даже для такой сильной и влиятельной страны, как Венгрия.

Вначале, сразу после ареста своего вассала, Матьяш не сомневался, что Дракула быстро подпишет фальшивку и тем самым полностью узаконит его действия. Но время шло, а князь не желал признавать свою «вину». Было немало способов заставить любого человека признаться во всех смертных грехах, но применять такие пытки, после которых подсудимый становился калекой или умирал, Матьяш не решался. Что, если этот настырный Модрусса захочет встретиться с заключенным, что, если донесет обо всем папе? И потом, Дракула являлся слишком значительной политической фигурой, чтобы можно было просто расправиться с ним.

– Он должен подписать письма! – пробормотал король и сморщился, словно от зубной боли.

Неожиданно ему пришла в голову крайне неприятная мысль, что валашский князь, известный своим мужеством, храбростью и несгибаемой волей, ни при каких обстоятельствах не признает свою вину и скорее умрет под пытками, чем подпишет эти злополучные письма.

– Неужели тебе нравится мучиться, Влад?! Почему ты не хочешь облегчить жизнь нам обоим?

Бросив в пустоту этот вопрос, Матьяш вышел из библиотеки.

Венгрия, королевский дворец в Буде

Лежавший на полу человек спал. Сковывающие его цепи мешали принять удобное положение, но он все же сумел устроиться на каменных плитах. Звон ключей и приближающиеся шаги мгновенно пробудили пленника, он приподнялся на локте, напряженно всматриваясь в темноту. За прутьями решетки появился свет, замелькали длинные тени, и вскоре появились несколько охранников и человек в плаще с надвинутым на лицо капюшоном, фигура которого показалась Владу знакомой. Заскрежетал замок, и вот уже мужчина в плаще шагнул в камеру:

– Оставьте нас одних, – прозвучал голос, до глубины души взволновавший узника.

Дракула понимал, что его судьбу давно решили за его спиной, но этот визит, вопреки всему, всколыхнул надежду в душе. Может быть, если он сумеет найти нужные слова, все

разрешиться само собой, может быть, та черная тень, пробежавшая между ними, исчезнет? Влад попытался встать, но человек в капюшоне остановил его:

– Не затрудняй себя, князь. Я пришел сюда поздно и не хочу доставлять тебе лишних хлопот. Просто поболтаем как в старые добрые времена, если ты, конечно, не против.

Этот насмешливый тон, от которого в один миг вскипала кровь, не сулили ничего доброго, но князь сумел смирить гнев, понимая – покорность и смирение, те самые качества, что не раз уже выручали его из беды. Сильные ждали от слабых покорности, и в своем теперешнем положении Дракула вынужден был терпеть от этого избалованного мальчишки любые унижения. Он лишь до боли сжал кулаки и опустил глаза, опасаясь, что взгляд может выдать его подлинные чувства.

Король распорядился установить факелы так, что их свет падал на сидевшего на полу пленника, и теперь получил возможность хорошенько рассмотреть его. Он специально не позволил Владу встать, дабы получить возможность смотреть на него сверху вниз. Матьяш еще в детстве не раз видел Дракулу, когда он приезжал в Корвинешть, и всегда разглядывал его с любопытством и завистью. Влад чем-то напоминал Матьяшу его старшего брата Ласло – был таким же красивым, уверенным в себе молодым мужчиной, сознающим свою силу и твердо знавшим, чего он хочет добиться в жизни. Тогда претендент на валашский престол даже не замечал Матьяша. Для него Матьяш оставался маленьким жалким мальчонкой, беспомощным недоноском, которому каким-то чудом удалось зацепиться, удержаться на этом свете. Влад Дракула, Ласло, отец были взрослыми мужчинами, вершившими свои взрослые дела... Но жизнь переменчива и непредсказуема. Отец скоропостижно умер, Ласло казнен, да и жизнь самого Матьяша повисла на волоске. Тогда Дракула, уже валашский князь, вмешался в яростную закулисную борьбу, развернувшуюся за престол Венгрии, поставив на пятнадцатилетнего болезненного паренька, единственным достоинством которого была принадлежность к семье Хуньяди – громкому имени, пользовавшемуся огромной поддержкой и в Трансильвании, и в венгерском королевстве. Матьяш стал королем. Приведший его к власти Дракула безукоризненно играл роль вассала, но Матьяш все равно замечал покровительственную насмешку в глазах гордого влаха, а за почтительным отношением ему все равно чудилась скрытая ирония.

И вот теперь все вновь изменилось – Дракула находился в руках Матьяша, и король мог как угодно распоряжаться судьбой своего пленника. Губы монарха скривила злорадная усмешка – пара месяцев тюрьмы наложили свой отпечаток – длинные локоны Дракулы уже не были тщательно завиты, а превратились в спутанные космы, борода делала его старше своих лет, а грубая холщевая рубаша не скрывала худобы тела. И все же, несмотря на жалкий вид, у пленника было аристократическое лицо, лучше любых слов показывающее его принадлежность к знатному княжескому роду, и все же, вопреки всему, он еще был красив и полон достоинства. Матьяш вспомнил рассказы о безумной любви молодой женщины к этому человеку, о том, что она предпочла рискнуть своей бессмертной душой, решив умереть лишь потому, что боялась стать обузой для того, кого любила больше жизни. Должно быть, у этого красавчика всегда было много девиц, и он никогда не испытывал тех проблем, с которыми постоянно сталкивался сам Матьяш, стоило ему разделить ложе с женщиной. У Дракулы было все – сила, молодость, здоровье, красота, успех у женщин, храбрость, ум, знатное происхождение – но он сидел на холодном каменном полу, закованный в цепи, и на его теле были заметны многочисленные кровоподтеки. Матьяшу захотелось услышать, как его пленник кричит от боли, увидеть как, потеряв человеческое обличье, он ползает у ног палачей, вымаливая лишние минуты жизни.

Подобрав полы плаща, Матьяш присел на корточки перед Дракулой, заглянул ему в лицо:

– Что-то ты неважно выглядишь. Не пора ли заканчивать эту историю? Признай свою вину, князь, и все закончится.

– Твое величество знает, что я всегда был твоим преданным слугой. Ради мира с тобой я отверг дружбу турецкого султана и до последней капли крови был готов защищать тебя, твое величество, и христианскую церковь от врагов Христовых. Я не просил прощения у султана, не писал тех писем. Наши враги попытались оклеветать меня в твоих глазах, разделить нас и тем самым сделать слабее.

– Не упражняйся в красноречии, князь. Мы взрослые люди, и нам обоим все ясно. Не знаю, кто написал эти письма, – ты или кто-то другой, в данной ситуации это не так важно. Ситуация такова, что в интересах меня и моего государства ты должен подписать их. Раз ты преданный слуга, готовый на все ради своего господина, сделай это, а я постараюсь, чтобы наказание было не слишком суровым. Ты же знаешь, как далеко простирается мое великодушие... Только подпиши их, и я избавлю тебя от этих браслетов, прикажу дать теплую одежду... Да все, что пожелаешь! Сознайся, ты здорово струсил, когда шли переговоры с моим величеством, и решил написать султану. Минутная слабость, с кем не бывает...

– Я не подпишу этих писем.

Дракула хотел посмотреть в глаза Матьяша, но его взгляд скользил в сторону, уходя от встречи. Услышав слова отказа, король резко поднялся, на шаг отступив от Влада:

– Я очень разочарован. Обвинение в государственной измене – не шутка. В знак нашей дружбы я хотел облегчить твою участь, но такое упрямство может привести к очень тяжелым последствиям.

– Моя совесть чиста, твое величество. Даже если ты вытянешь из меня все жилы, я не подпишу эти бумаги. Я ни в чем не виноват.

Матьяша раздражал спокойный тон собеседника, а особенно открытый взгляд его слишком красивых глаз. Король хотел сам, собственными руками причинить узнику боль, но сдержался, только тяжело дышал, глядя на Дракулу.

– Знаешь, князь, у тебя чутье, – растянул он губы в улыбке. – В любом случае ты бы не вышел отсюда живым. Если бы ты сознался в своих преступлениях, тебе бы просто отрубили голову – неплохая смерть, а главное – легкая. А так... Ты сгниешь здесь! Ты будешь умирать долго, мучительно, годами. То, что ты здесь испытываешь – хуже, чем ад. Может быть, ты покончишь с собой, как твоя шлюха, а, может быть, тебя сожрут крысы. Если захочешь избавиться от этого кошмара, не рискуй бессмертной душой, сознайся в своих преступлениях, и быстрая смерть тебе гарантирована. В любом случае, ты никогда не получишь свободу, это говорю тебе я, король Венгрии Матьяш I!

– Бог тебе судья, твое величество.

Матьяш вылетел из камеры. Вид закованной в цепи беспомощной жертвы возбуждал, и король едва владел собой. Покинув подвал дворца, в котором находился пленник, он торопливо направился в покои королевы. Еще в декабре прошлого года правитель Венгрии вернулся в столицу, но по сей день так и не удосужился заглянуть к жене. Он мог сколько угодно ссылаться на занятость, недомогание, государственные дела, но на самом деле просто проявлял малодушие, опасаясь своей несостоятельности на поприще плотской любви.

В комнате горели свечи. Дремавшая в постели женщина открыла глаза, в первый миг ее юное лицо было безмятежно, но когда она увидела стоявшего рядом Матьяша, то сделалась едва ли не белее простыни, на которой лежала:

– Ваше величество! Я счастлива видеть вас! Я с таким нетерпением ожидала той счастливой минуты, когда вы посетите мою опочивальню.

– Дела не позволяли, но я, как мог, торопился к тебе, любовь моя.

Дверь в опочивальню была закрыта на замок, окно плотно задернуто шторами. Екатерина затравленно озиралась по сторонам, понимая, что сейчас должно было произойти неиз-

бежное. Матьяш пристально следил за ней. Длинной тростью дотронулся до руки женщины, сбросил с плеча ночную рубашку. У королевы была красивая упругая грудь, гладкая кожа.

– На колени! Ко мне!

Она покорно слезла с кровати и, опустившись на четвереньки, поползла к мужу. Длинные русые волосы касались пола, в глазах плескался ужас. Матьяш ударил тростью по спине жены, не слишком сильно, зная, что чем дольше продлится экзекуция, тем больше он получит удовольствия. Каждый удар по молодому, сильному телу доставлял наслаждение. На белой спине появились первые розоватые полосы. Екатерина терпела, стиснув зубы. Она знала, что не должна кричать, любой ценой сохраняя страшную тайну своего брака. Матьяш содрал со своей жертвы рубаху, толкнул на кровать, наступил ногой на бурно вздымавшуюся грудь. Он хотел большего, хотел крови, хотел того, о чем читал в протоколах инквизиторов, но, как и Екатерина, понимал, что должен хранить тайну своих отношений от всего мира. Трость продолжала опускаться на тело женщины, ночь обещала быть долгой...

Венгрия, темница в Буде

«Матьяш называл себя моим другом, а я позволил себе поверить в эту ложь. Почему? Почему с тех пор, как он взошел на престол, я верил его сладким речам, почему, как утопающий цепляется за соломинку, надеялся на то, что он поможет, придет на помощь в тот момент, когда уже больше не на кого надеяться?!» – мучительные, словно ноющая боль мысли текли по кругу, вновь и вновь возвращаясь к тому, что так волновало узника. Он искал ответ, а, может быть, – стремился уйти от него, снова анализировал свои поступки, перебирая в памяти недавние события. Дракула вспоминал мрачное утро, когда маленький отряд все выше поднимался в горы и он смотрел на макушку сына, сидевшего перед ним в седле. Тогда все мысли князя были сосредоточены не на гибели жены, не на судьбе сына, а только на предстоящей встрече с Матьяшем. Король вместе со своими войсками находится в Брашове, и не существовало причины, по которой он мог бы не прийти на помощь союзнику. Венгерскому монарху надлежало намного раньше выступить в крестовый поход, тогда бы весь ход войны сложился иначе, но даже в конце осени 1462 года Дракула все еще верил, что вмешательство Матьяша может переломить ситуацию. Влад надеялся – сын Хуньяди поможет ему, в то время он казался другом, на которого можно всецело положиться. Когда шли переговоры в Брашове, только слепец мог не замечать – Матьяш тянет время, не собираясь вступать в войну, но князь упорно продолжал рассчитывать на благополучный исход. Даже вчера, когда король вошел в камеру, первая мысль Влада была о том, что все благополучно разрешится, стоит только переговорить с монархом. И вот теперь Дракула мучил себя вопросом: почему он испытывал горечь, словно его предал близкий человек, хотя Матьяш Корвин на самом деле всегда являлся его врагом?!

Неволя оборвала стремительный бег дней, время остановилось, остались только мысли – неотступные, давящие. Прежде Влад не позволял себе долгих и, как он полагал, праздных раздумий, но теперь, когда он перестал быть хозяином своей судьбы, многие события стали восприниматься совершенно иначе. Чем дольше князь находился в венгерских застенках, тем яснее понимал – случившееся с ним – Божья кара за грехи, наказание, которое должен понести человек, ставящий суетные земные дела выше спасения собственной души. Предательство Матьяша – расплата за то, что он совершил много лет назад. Когда-то ради заветного валашского престола Дракула пришел к Хуньяди – убийце его отца, попросил о помощи, готов был отречься от своей веры, предать любящую и любимую женщину... «Любая дорога, ведущая к власти – верная» – так учил сыновей Дракул, и его сын хорошо усвоил урок. Он вновь и вновь обращался к Хуньяди, пытаясь заручиться его поддержкой. Трансильванский воевода помог Владу, а Дракула поддержал его сына в борьбе за власть, вычеркнув из памяти

прошлое и поверив в то, будто семья Хуньяди может оказаться в числе его союзников. Да только старые долги остались, и тот, кому он доверял, вероломно вонзил нож в спину... Обида вскипала в душе, но Дракула одернул себя, – о какой справедливости мог рассуждать человек, клявшейся в верности убийце своего отца?!

Осенью 1442 году Влад Дракул вместе с сыновьями бежал в Турцию, а вторгшийся на территорию Валахии Хуньяди посадил на трон своего ставленника, воеводу Басараба. Проигравших встречают сурово, но султан довольно мягко обошелся с валашским князем – его не бросили в тюрьму, а всего лишь подвергли домашнему аресту в Галлиполи. Так Влад впервые попал в Турцию. Тогда он был слишком мал, чтобы понимать серьезность происходящего, быстро освоился, начал учить незнакомый язык, даже нашел себе новых друзей. У коротавшего дни в изгнании Дракула появилось много свободного времени, которое он мог уделять своим сыновьям. Именно тогда, во время пребывания в Галлиполи, Влад впервые начал узнавать своего отца. Дракул говорил с сыновьями, как со взрослыми людьми, делился своими знаниями, опытом, разъясняя, что значит быть настоящим князем. Отец мальчиков был всесторонне образованным человеком, владел даром красноречия, и от его рассказов порой мурашки пробегали по телу, такими они были яркими, живыми. Влад Дракул учил сыновей – за место под солнцем надо бороться, а у того, кто идет к власти, не может быть друзей, и даже кровное родство ничего не значит в жестокой схватке за трон. Надо принимать помощь отовсюду, соглашаться на все, любой ценой захватывать власть, которая дает свободу. Ведь, чем больше у князя власти, тем он сильнее и может по своей воле диктовать условия остальным. Только укрепившись на престоле, став достаточно сильным, можно позволить себе делать то, к чему лежит твоя душа, а до того надо забыть, что такое совесть, и любой ценой пробиваться к цели.

Дракула вспоминал, как во время той долгой беседы он задал отцу вопрос, впервые пришедший в голову и испугавший мальчика. Тогда Влад спросил:

– Что я должен делать, когда Мирча станет князем? Бороться с ним? Ведь я должен добиваться власти любой ценой.

Влад Дракул не ответил на страшный вопрос, ушел от темы, но и Мирча, и Влад неожиданно осознали, что именно так складывается судьба княжеских детей. Влад должен был стремиться вырвать корону из рук Мирчи, а Раду – свергнуть с престола кого-то из своих старших братьев. В тот день Влад не хотел видеть никого. Мальчик убежал к морю, прыгнул в воду с обрыва и поплыл вперед, словно намереваясь так, вплавь, вернуться на родину. Соленая вода смывала слезы, а он плыл и плыл, рассекая волны, и ему не хотелось возвращаться назад. Будущий наследник престола думал, что, если море поглотит его, ему не придется убивать Мирчу, срывая княжеский венец с головы мертвеца.

И все же Влад вернулся... Потом жизнь пошла привычным чередом, но, играя с Мирчей, он порой возвращался к тому разговору, и ему снова становилось страшно. А еще Влад смотрел на маленького Раду и представлял как этот карапуз изгоняет своих близких из дворца, придает родную землю огню. Тогда, одиннадцатилетним мальчишкой, Дракула не представлял, насколько близок был к истине. Слова отца оказались пророческими, и однажды Раду пришел на землю Валахии, чтобы убить своего старшего брата и отобрать у него княжескую корону.

Власть надо завоевывать любым путем – Дракул заключил с султаном Мурадом II¹³ невыгодный для Валахии договор, который стал пропуском на трон. Весной 1443 года турец-

¹³ Мурад II (1401–1251), шестой султан Османской империи, правил в 1421–1444 и 1446–1451 годах. После поражения, нанесенного ему в 1444 году Яношем Хуньяди, заключил с христианами Сегедский мирный договор, по условиям которого Дунай признавался границей между Османской империей и Венгрией, что было выгодно для последней. Несмотря на это, в том же году папа Евгений IV начал новый крестовый поход, окончившийся для крестоносцев разгромом при Варне. В 1444 году султан удалился от дел, оставив власть юному сыну Мехмеду. Однако в 1446 году Мурад II вернулся на престол.

кие войска вторглись в княжество, вновь утвердив на престоле Влада Дракула. Семья вернулась в Тырговиште. За этот год многое изменилось в жизни Влада, и прежде представлявшийся таким привычным, домашним дворец преобразился, укромные тайники в саду исчезли, все показалось чужим. Отец вновь отдалился на недостижимое расстояние, став князем, хозяином страны, которого младшие дети видели не так уж часто. А Влад стремился к общению с ним, у мальчика появлялись все новые вопросы, но у воеводы Валахии не хватало времени, и откровенные беседы, подобные тем, что происходили в Галлиполи, больше не повторялись.

Зато обнаружилось, что у Влада есть еще один брат. Как оказалось, сразу после смерти Анны князь начал встречаться с другой женщиной, и она прижила от него ребенка. Мальчик родился уже после бегства в Турцию, и Маринка, так звали ту женщину, желая сделать приятное отцу ребенка, назвала младенца Владом. Так у Дракулы появился сводный брат-тезка, впоследствии получивший прозвище Монах. Его мать была красивой женщиной, но происходила из захудалого рода и не могла претендовать на то, чтобы стать законной супругой валашского князя. Овдовев, Дракул не стал связывать себя узами нового брака, однако и без соблюдения формальностей эта женщина чувствовала себя во дворце полноправной хозяйкой. Маринка вторглась в жизнь княжеских сыновей, и тут Влад впервые узнал, что значит иметь злую мачеху. Женщина не смела возражать Мирче – наследнику престола, но младшим детям здорово доставалось от нее. Влад ненавидел эту дородную красавицу с роскошной косой и плебейскими манерами, а она отвечала мальчику тем же. Тогда Влад и представить не мог, какую роковую роль предстоит сыграть Маринке в его судьбе.

В тот день Влад застал Раду в слезах. Он отчаянно рыдал, сквозь слезы рассказывая о своей обиде. Оказалось, что Маринка отхлестала его по щекам из-за какой-то случайной провинности. Влад понял, нельзя больше держать отца в неведении и надо рассказать ему про поступки возмнившей о себе простолюдинки. Но не успел – ему сообщили, что князь сам хочет видеть обоих младших сыновей. Им надлежало придти в тронный зал, словно для официального приема, и все это казалось очень странно и сильно встревожило Влада. Взяв за руку братишку, он шел на аудиенцию, а его сердце изнывало от предчувствия беды. Дракул восседал на троне – непроницаемый и величественный. Мирча находился здесь же – у него было осунувшееся, сразу повзрослевшее лицо – похоже, он уже знал причину происходящего. Недрогнувшим голосом отец сообщил сыновьям о своем решении. Он сказал, что отправляет Влада и Раду в Турцию погостить у султана, дабы тем самым подтвердить свою дружбу с ним.

– Это вынужденная мера, но я действую так в интересах своей страны, ради поддержания мира и спокойствия. По новому договору с Османской империей я обязан не только выплачивать османам дань, но и отдать им пятьсот мальчиков для пополнения корпуса янычар. В княжестве многие недовольны моим решением, и я вынужден показать на своем примере, что ради жизненно необходимого мира с Портой могу пойти на любые жертвы. Я отдаю своих сыновей, и никто не в праве упрекать меня, что я определил такую же участь и другим детям.

Владу казалось, что отец говорит на другом, непонятном языке. Он слышал каждое слово, но они не хотели складываться в предложения, повисли в пустоте. Губы Раду дрогнули, мальчонка был готов расплакаться. Он уже понимал, что означала для него грядущая поездка. Это был конец прежней жизни, грань, за которой начиналось страшное и неведомое.

– Я понимаю, Влад, вам будет очень нелегко, – вновь заговорил князь, и теперь его голос звучал мягче, не так официально. – И, может быть, со временем ты поймешь, как нелегко далось мне это решение. Но для правителя интересы страны превыше собствен-

ных. Мой отец, Мирча Старый, отдал меня на воспитание императору Сигизмунду, и тогда, покидая родину, я чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Жить на чужбине нелегко. Но я многому научился, в конечном счете, именно благодаря своим связям в Венгрии я взошел на валашский престол, стал князем. Ты уже взрослый человек, Влад, я знаю, ты сумеешь найти верный путь, и знаю – ты позаботишься о своем младшем брате, заменишь ему отца. Ты справишься, Влад. Я верю в тебя, сын мой. И еще, думаю, тебе будет совсем неплохо в Турции, – ты уже жил там, освоил язык, к тому же у меня прекрасные отношения с султаном, и к вам будут относиться как к гостям, а не как к пленникам. Я думаю, эта поездка пойдет тебе на пользу. А главное – заботься о брате, он еще ребенок, ты должен следить за ним.

Решения отца не обсуждались. Влад только сказал, что выполнит его волю, и на этом аудиенция окончилась. В коридоре братьев догнал Мирча. Влад отправил Раду собирать игрушки перед дальней дорогой и вместе с Мирчей вышел в сад, направившись в самую глухую его часть, где на ветвях старого дерева они когда-то прятались от взрослых.

– Отец совершает большую ошибку, – сказал Мирча, устраиваясь у корней раскидистого дуба.

– Как ты можешь судить отца?!

– Я просто вижу, что происходит, Влад. Отдав вас с Радой султану, отец теряет возможность маневра, дает власть над собой.

– Значит, это необходимо, Мирча. Ты старше меня, присутствуешь на государственных советах, разбираешься в политике, но я твердо знаю, – если отец принял такое решение, значит, оно верное. Тебе кажется, что оно ошибочно, но он-то лучше разбирается в политике! Знаешь, Мирча, по сравнению с ним мы – никто, и не нам его судить.

– А ты не думаешь о Маринке?

– При чем здесь женщина?

– Она околдовала отца. Должно быть, у нее есть рецепт приворотного зелья. Знаешь, что рассказала мне наша кормилица? Олтя слышала, какую колыбельную пела Маринка своему сыну: «Ты будешь князем, мой сладкий, я вижу княжеский венец на твоей голове...»

– Ну и что? В жилах маленького Влада течет кровь нашего рода, он принадлежит к потомкам Басараба I. Каждая мать мечтает о лучшей доле для своего сына.

– Влад, не будь мальчишкой! У этого парня нет шансов. Я, ты, Рада – мы все претендуем на валашский трон, и у каждого из нас больше возможностей его получить. Он просто не дожидается своей очереди.

– Кто знает, как сложится жизнь.

– Именно! Эта женщина расчищает путь для своего сына. Отец, на беду, прислушивается к ее словам, он просто жить не может без этой ведьмы! Она сумела внушить отцу, чтобы он отправил вас с Радой в Турцию. Если с вами, не дай Бог, что-то случится, ее сын станет вторым наследником престола после меня! Думаешь, она просто так назвала его Владом? Влад Воевода, сын Влада Воеводы – звучит неплохо.

– Отец не станет слушать женскую болтовню.

– Когда-нибудь ты поймешь, что я прав.

– Даже если так, что мы можем сделать?

– Ничего. Я пытался поговорить с отцом.

– И?

– Он оборвал меня на полуслове и был очень разгневан. Прости Влад, что я не смог защитить вас с Радой. Отец отвесил мне пощечину и велел не попадаться на глаза. Только сегодня он заговорил со мной.

– Ты сделал все, что мог. Спасибо тебе, Мирча.

– Жаль, что не за что.

Небо было ярко-синим, а все вокруг – праздничным, нарядным, но Влад не ощущал яркости красок, для него мир стал черно-белым и пустым. Хотелось верить, что поездка в Турцию и в самом деле будет чем-то вроде приятной прогулки, однако дурные предчувствия не давали покоя, – казалось, он в последний раз видел это место.

– Я буду делать все возможное, чтобы вытащить вас оттуда. Отец только с виду несговорчивый, но его можно переубедить, если вести дело осторожно и аккуратно, – Мирча сжал руку брата, посмотрел прямо в лицо. – Давай поклянемся, что всегда будем помогать друг другу, защищать, даже если для этого придется рисковать жизнью.

Он достал кинжал, срезал кусок дерна у подножья дерева, провел клинком по руке – на ладони выступила алая полоска крови. Влад протянул руку и даже не почувствовал боли от пореза. Братья сжали ладони, их кровь смешивалась, тяжелыми каплями падая в лунку. Мирча произносил слова выдуманной им же в детстве клятвы, Влад вторил ему:

– Как солнце и небо, как две половинки одного сердца, мы всегда будем вместе, и ни дьявол, ни злой человек не разлучит нас. А если грянет беда, я всегда приду на помощь тебе, брат мой, даже если между нами будут горы, и реки, и целое море врагов. Я отдам за тебя свою жизнь и свою бессмертную душу. Мы всегда будем вместе – Мирча и Влад. Во веке веков. Аминь.

Больше Дракула не видел своего старшего брата живым. Судьба разлучила их навеки, но если прежде Влад хотя бы в памяти мог воскресить образ близкого человека, то после чудовищного открытия, произошедшего весной 1459 года, он забыл лицо Мирчи. Это стало подлинным проклятием, неразделенной мукой. Влад тщетно пытался вспомнить взгляд, улыбку Мирчи, но вместо этого видел лишь изуродованный тлением череп, в котором почти невозможно было угадать родные черты. Страшный оскал умершего в муках человека, чудовищное зрелище, лишившее сна и возникавшее всякий раз, когда сердце искало умиротворение в минувшем. Влад чувствовал, что это воспоминание станет преследовать его до конца дней, не померкнет, не побледнеет, наоборот, с каждым годом будет становиться все более отчетливым. Ему казалось, – он жизнью своей готов расплатиться, лишь бы вспомнить лицо Мирчи. Но череп смеялся над ним, и этот смех убивал душу...

Кошмар вновь завладел Дракулой. Он больше не мог сидеть неподвижно, отчаянье душило его. Чтобы как-то справиться с чувствами, узник изо всех сил саданул кулаком о каменный пол. Еще раз, еще...

«Расколоть собственную голову об эти плиты, чтобы боль заглушила все чувства и потом пришел спасительный мрак и небытие... Или гиена огненная... Неважно... Только бы избавиться от этой муки... Мирча, почему ты покинул меня? Почему ты не хочешь придти к своему брату хотя бы во сне, хотя бы на миг вернуться, чтобы я смог вспомнить твое лицо...» – еще мгновение и Влад действительно стал бы биться головой об пол, но боль в разбитой руке смешалась со жгучим стыдом. Он осознал, что, поддавшись отчаянью, вел себя недостойно, ведь только молитва могла очистить и исцелить душу. Дракула стал на колени, обратил свою мольбу к Всевышнему, но почувствовал, что не может сейчас говорить с Богом. Все вокруг покрывал беспросветный, вязкий как смола мрак. От него невозможно было избавиться, от него не спасали воспоминания, его не могла рассеять надежда. Узник больше не верил в себя, не верил в людей, терял веру в Бога. Только густой черный мрак, только мысли о предательстве всех, кому он верил, только оскал застывшего в судороге скелета... «Может быть, Матьяш прав, мне надо признать свою мнимую вину, и тогда кошмар закончится? – думал Дракула, невидящим взором упершись в темноту подземелья. – Господи, почему я должен цепляться за жизнь, если в ней я видел только боль и предательство? Почему я не могу умереть? Почему ты отвернулся от меня?».

Венгрия, королевский дворец в Буде

Подножка кареты угрожающе заскрипела под расшитым золотом башмаком. Прислужники роем вились возле экипажа, помогая выйти рослой грузной старухе. Приехавшая в столицу женщина напоминала гротескную, вырубленную из каменной глыбы статую с волевым, вовсе не похожим на женское лицом, мощным телосложением, твердым пристальным взглядом. Впрочем, и хватка у этой дамы была по-мужски решительной, она прекрасно разбиралась в делах, обладала организаторскими способностями и наводила идеальный порядок во всем, чем занималась. Ее власть в венгерском королевстве была очень велика, но она старалась не демонстрировать силу, отступая на второй план и давая возможность проявлять свои способности юному королю. О ней почти не говорили, она редко появлялась на приемах, но ни одно решение не принималось без ее ведома, жизнь и смерть каждого находилась в ее железных руках. Такой была мать короля Матьяша Элизабет Силади.

Некоронованная властительница Венгрии в сопровождении свиты направилась во дворец.

С сыном Элизабет удалось повидаться только вечером, – Матьяш весь день принимал послов и никак не мог выкроить время для встречи. Старуха готовилась отойти ко сну, служанки уже сняли затейливый головной убор, в котором любила щеголять Элизабет, расчесали ее длинные седые волосы, когда в комнату вошел Матьяш. Он торопливо приблизился к матери, она подставила ему руку для поцелуя. Матьяш почтительно припал к ней губами. Разговор вначале касался общих тем, но потом король не выдержал и заговорил о том, что больше всего тревожило его в последнее время:

– На днях я навестил нашего гостя и очень расстроился – он оказался неуступчивым, и боюсь, у меня не найдется способов переубедить его. А папский посланник буквально преследует меня по пятам, настаивая на объяснениях. Я не знаю, что мне делать!

Элизабет внимательно посмотрела на своего мальчику. Матьяш выглядел неважно, – лицо отекло и приобрело болезненный вид, – он слишком много нервничал, переживая из-за истории с его валашским вассалом. Сердце болезненно сжалось, – для Элизабет Матьяш так и остался маленьким слабым ребенком, которого она, его мать, не раз вырывала из рук смерти. И вот теперь мальчик страдал по вине этого несносного упрямяца! Будь ее воля, она бы собственными руками убила Дракулу, но, к сожалению, такое радикальное решение могло бы только усугубить ситуацию.

– Не надо нам было вмешиваться в эту историю! Я не отец, я не умею зарабатывать деньги на крестовых походах! Мы проиграли.

– Отнюдь. Папские деньги у нас, у нас и валашская казна. Тебе не надо вступать в войну с Османской империей. Никому в голову не придет, что ты вел тайную переписку с султаном и получил гарантии мира и безопасности для Венгрии в обмен на арест валашского воеводы. Кровопролития не будет, деньги у нас, – как можно говорить, что мы проиграли? Арест Дракулы – идеальное решение всех проблем.

– Но как я объясню это Ватикану? На Влада Воеводу молятся как на святого, он единственный, кто может возглавить крестоносцев. Его не дадут сгноить в тюрьме! Особенно возмущены итальянцы. Сегодня происходящим интересовался Томасси, венецианский посланник, о Модруссе я даже не говорю. При дворе расползаются слухи... Я не могу убить Дракулу и не могу отпустить. Он это прекрасно понимает, а потому не соглашается подписать письма.

– Главное – он сидит. А доказательства его вины можно найти, и вовсе не обязательно, чтобы на этих документах красовалась его подпись. Ты должен продолжать настаивать на своем – если дрогнешь – проиграешь. Пусть все против нас, пусть мы не правы, но на нашей

стороне сила, а они – собачонки, лающие в пустоту. Успокоются! Покричат, а потом станут лизать твои пятки. Главное – не дрогнуть, не проявлять слабость. Влад Дракула – изменник, предатель, ты схватил его и накажешь по заслугам. Ты – справедливый король, ты никогда не ошибаешься. Бог на твоей стороне!

Матьяш и не пытался возражать. Он знал, что его матушка права всегда и во всем. Раньше он воспринимал это как должное, но последнее время безапелляционность суждений матери начинала нервировать. Матушка забывала, что королем был именно он, что ему дана была власть от Бога, и он должен был все решать сам. Он не нуждался ни в чьих советах. Но ситуация с валашским князем оказалась такой сложной и запутанной, что сейчас было не самое подходящее время возражать и настаивать на своем. Матушка лучше знала, что делать.

– Все будет хорошо, мой мальчик, – жесткая рука с короткими сильными пальцами потрепала его искусно уложенные королевским цирюльником локоны. – Помни, главное – не дрогнуть, тогда мы победим.

Матьяш покинул опочивальню. Элизабет осталась одна. За окном тихонько шуршал дождь, потрескивал огонь в печи.

Матьяш был поздним, неожиданным ребенком. Яношу давно перевалило за пятьдесят, да и она чувствовала себя почти старухой, когда внезапно поняла, что носит под сердцем новую жизнь. Беременность проходила очень тяжело и окончилась преждевременными родами. Элизабет вспоминала крошечное создание, один взгляд на которое вызывал приступ острой болезненной жалости. Жалкий худенький мальчик никак не хотел вздохнуть, и казалось, что его жизнь на Земле закончится, так и не успев начаться. Но малыш все же закричал, точнее, запищал тоненьким голоском, и, услышав этот зов, измученная родами Элизабет поняла, что все отдаст за этого ребенка.

Мальчика спасло богатство семьи Хуньяди. Владелец самого большого в Венгрии состояния мог позволить для своего сына очень многое. Элизабет приводила к ребенку знаменитых врачей, делала все возможное и невозможное, и в результате жизнь, теплившаяся в этом тщедушном тельце, разгоралась сильнее.

Но когда ребенок подрос, мать ждал новый удар. Матьяш развивался очень плохо, никак не учился ходить и говорить. До пяти лет он вообще был совершенно беспомощным существом, и казалось, малыш никогда не сможет стать таким, как все. И снова помогло золото. Лучшие учителя, огромное количество мамок, нянек и прочей свиты, регулярные занятия, тренировки сделали чудо, и Матьяш стал на ноги. Тогда и Янош, не слишком благоволивший к младшему сыну и считавший его рождение каким-то недоразумением, иначе посмотрел на ребенка и присоединился к усилиям Элизабет. Он загорелся желанием дать Матьяшу блестящее образование, хотел, чтобы его сын стал лучшим.

Матьяш любил читать. Он с удовольствием рылся в книгах, вначале рассматривал картинки, а потом читал все подряд, начинал сам придумывать забавные истории. Элизабет смотрела на него и не могла нарадоваться, единственное, что ее тревожило – слабое здоровье Матьяша, и она, как могла, оберегала сына, ограждая от жестокой суровой жизни, в которой могли выжить только очень крепкие, сильные мужчины. Мальчик должен был остаться при ней. Янош прочил венгерский престол своему старшему сыну Ласло, а малыш Матьяш не имел никакого отношения к этой яростной борьбе. Так было до тех пор, пока смерть не забрала и Яноша, и Ласло. Для семьи Хуньяди началась черная полоса, окончившаяся невероятным взлетом – Матьяш стал законным королем Венгрии. Элизабет была счастлива, но в то же время очень тревожилась за ребенка, – ведь в ее глазах он по-прежнему оставался таким слабым, болезненным, беззащитным.

Властная, образованная женщина прекрасно разбиралась в политических интригах, в свое время она оказывала большое влияние на мужа, а теперь руководила всеми действи-

ями сына. Идея избавиться от Дракулы принадлежала именно ей. Элизабет видела – роль валашского князя растет с каждым годом. Всего несколько лет назад он взомел на престол бедного, раздираемого борьбой за власть княжества, но уже успел упрочить свое положение в Европе, сумев найти общий язык с новым римским папой. Кто знал, что ждало впереди энергичного, храброго и честлюбивого молодого человека? Здесь не рождались, а становились королями, надо было только иметь волю и целеустремленность. Взять хотя бы ее покойного супруга – Янош принадлежал к семье мелкого валашского дворянина, а умер правителем Венгерского королевства. Он знал, что делал, женившись на дурнушке, принадлежавшей к влиятельному роду Силади. Янош был красив, Элизабет – некрасива, он говорил ей возвышенные слова о вечной любви, и это стало одним из обстоятельств, благодаря которому и был заключен их неравный брак. Элизабет без памяти влюбилась в сладкоречивого красавца и собиралась идти за ним хоть на край земли, а потом, когда опьянение любовью прошло, поняла: Янош не любит ее, но вместе они смогут многого добиться в этой жизни, какие бы чувства не испытывали друг к другу на самом деле. Налаживая ценные связи, Янош продолжал делать карьеру, снискал себе репутацию борца с Османской империей, разбогател и приобрел огромное влияние в Трансильвании и Венгрии. Наблюдая за Дракулой, Элизабет понимала, как опасен для ее сына валашский воевода, и порой уже видела Влада во главе могущественной православной империи, столица которой находилась в освобожденном Константинополе. Конечно, пока это были только фантазии, но молодой энергичный князь, бывший ко всему прочему блестящим военачальником, мог осуществить самый дерзкий, грандиозный план. Однако в такой православной империи не нашлось бы место для ее мальчика, призванного стать всесильным королем, а потому чрезмерные усилия сдерживавшей турков Валахии не устраивали Элизабет. Существовало и еще одно важное обстоятельство, приведшее к аресту Дракулы. Матьяш боялся и не любил воевать. Инициированный римским папой крестовый поход против неверных мог стать для мальчика настоящей катастрофой: условия военной экспедиции подорвали бы его хрупкое здоровье, не говоря уже о том смертельном риске, которому он подвергнулся, вступая в противостояние с таким сильным и безжалостным противником, как султан Мехмед Завоеватель. Крестовый поход не должен был состояться! Элизабет считала, что легче тайно договориться с султаном и получить от него обещание не пересекать границу Венгрии, расплатившись устранением Дракулы, чем ввязываться в непредсказуемую войну с Османской империей. Арестованного князя можно было обвинить в срыве похода и прочих грехах, а полученные из Рима деньги использовать для собственных нужд. План Элизабет удался, но «рябь на воде» не утихала, Матьяш нервничал, и переживания сына терзали сердце безмерно любившей его матери.

Поднявшись с кресла, грузная женщина подошла к кровати, нырнула под пуховое одеяло. Долгий переезд утомил ее, но она никак не могла уснуть, думая о сиюминутных проблемах. А когда сон, наконец, смежил веки, Элизабет увидела себя и Яноша, когда они еще были молоды, когда вся жизнь у них была впереди...

Венгрия, крепость Вишеград в окрестностях Буды

После ареста Влада Дракулы минуло много недель, а те, кто находился в ближайшем окружении князя, по-прежнему оставались под стражей, не зная судьбы своего господина и не представляя, что ждет впереди их самих. Среди пленников находился и Раду Фарма, секретарь князя, все шесть лет его правления следовавший за ним словно тень и захваченный вместе с Дракулой в Кенингштейне наемниками Жискры. Ныне, по воле короля, Фарма проводил зиму в венгерской крепости Вишеград, коротая дни в вынужденной праздности. На плохие условия жаловаться не приходилось – кормили здесь сносно, относились с почтением, и если бы не запертая снаружи дверь, Фарма мог бы чувствовать себя гостем юного

монарха. По долгу службы Раду часто ездил в Венгрию с письмами князя и успел составить представление о Матьяше. Это был своевольный избалованный мальчишка, не признававший правил и запретов. Поэтому гнев короля и последовавший за ним арест не удивили Раду, как не удивило и то, что Матьяш присвоил себе валашскую казну, с трудом переправленную через горы во время своего бегства. Пугало другое – растянувшееся до бесконечности ожидание развязки. Пугала неизвестность. Фарма не раз смотрел в лицо смерти, и хотя инструментом его было перо, мог постоять за себя с оружием в руках, как подобало настоящему мужчине. Люди, входившие в ближайшее окружение Влада Воеводы, чем-то напоминали его самого, – им нельзя было отказать ни в храбрости, ни в твердости воли, ни в решительности действий. Фарма не боялся погибнуть в бою, но неотступные мысли о темном, неясном будущем, о собственной жизни, ставшей игрушкой в недобрых руках, подтачивали душевные силы, как капли воды гранитную глыбу. Все чаще Раду не удавалось заснуть до рассвета, все чаще он задавал себе вопрос, сколько дней жизни отмерил ему венгерский король?

Серый февральский денек обещал пройти так же тихо и незаметно, как предыдущие, но внезапно скрежет замка нарушил привычное течение времени, заставив Раду вздрогнуть. В комнату вошел Томаш Бакоц. Они общались и раньше при венгерском дворе, были немного знакомы. Бакоц не принадлежал к влиятельным фамилиям, сделал карьеру благодаря собственным силам и поддержке Матьяша. Король предпочитал именно таких слуг – незнатных, готовых на все и полностью завесивших от него.

– Добрый день, господин Фарма, – галантно раскланявшись, чиновник сел у стола. – Однако ты у нас загостился! Обычно визиты твоей милости были стремительны, как молния.

– Таково гостеприимство его величества, – Фарма растянул губы в улыбке, пытаясь угадать, в чем состоит цель посещения Бакоца.

– Наша свобода в наших руках. Одна небольшая услуга, господин Фарма, и ты сможешь покинуть Венгрию. К тому же наш король славен своей щедростью, и любые услуги, оказанные венгерской короне, будут достойно вознаграждены. Ведь известно, что молчание – золото.

Неприятное чувство наполнило душу Фармы. Он понимал, что сейчас ему предложат совершить бесчестный поступок, предать своего господина, который давно стал для него другом. Правильнее всего было бы вытолкать Бакоца за дверь, но Раду понимал, что любой опрометчивый поступок может стоить ему жизни, а потому с вежливой улыбкой ждал дальнейших слов собеседника.

– Твоя милость все схватывает на лету, не даром ты, господин Фарма стал правой рукой князя! Потому, без лишних церемоний перейдем к делу. Но предупреждаю: если ты кому-либо расскажешь, о чем была речь между нами, тебя ждет смерть.

– Я уже понял, что это конфиденциальная беседа, господин Бакоц.

– Отлично. Князь диктовал тебе письма и ни для кого не секрет, что многие его послания написаны твоей рукой. Вот, например, эти... – Томаш Бакоц положил несколько листов на стол. – Кем они написаны?

– Письмо из Джурджу от февраля 1462 года действительно записал я. Что же касается другого текста, то я не знаю, кому он принадлежит, и не понимаю, о чем здесь идет речь.

– Мы твердо знаем, что Влад Дракула заговорщик, решивший убить его величество короля Матьяша I и вступивший с этой целью в переписку с султаном. Мы также твердо знаем, что Влад Дракула прославился своей возмутительной жестокостью, которая повергла в шок нашего гуманного короля. Все сказанное мною не подлежит никакому сомнению, однако, хотя эти факты очевидны, они пока не имеют доказательств. Мы-то знаем Дракулу, знаем, что это так, но не все имели несчастье лично быть знакомым с этим злодеем! Поэтому ради торжества истины порой приходится идти на обман.

Фарма словно окаменел. Каждое слово Бакоца вызывало гнев и протест, – все сказанное о князе было откровенной клеветой, которую ничего не стоило опровергнуть. Но Фарма молчал. Он решил дать себе отсрочку до конца беседы и только тогда отказаться от участия в бесчестном сговоре.

– Твоя задача, господин Фарма состоит лишь в том, чтобы переписать письмо. Будь добр, ознакомься с ним.

И снова уступка, слабость, малодушие. Раду представил, как швыряет фальшивку в лицо чиновника, но вместо этого начал читать. На его лице одновременно отразились и гнев, и изумление.

– Это абсурд! Такому письму все равно никто не поверит! Князь никогда бы не написал таких слов. Это же почти смешно! Вслушайтесь в то, что здесь написано! *«О, пресветлейший владыка оттоманов. Я – Ион Влад, Кара– Ифлакский бей¹⁴, раб твоего величества, молю коленопреклоненно простить мне злодеяния мои против тебя и царства твоего. Окажи великую милость и дозволи направить к тебе послов моих. Семиградие и Венгерское королевство ведомы мне, как мои пять пальцев. А будет твоему величеству угодно, так я бы мог – вымаливая грехи мои – отдать тебе под руку Семиградие¹⁵; после чего ты легко одолеешь всю Угрскую землю. Послы мои сказали бы тебе поболее, а я всю жизнь буду тебе верным слугой и рабом и молю Господа о продолжении жизни твоего величества на многие лета...»* – Фарма с волнением зачитал исписанный аккуратным почерком лист. Брезгливо отбросил его. – Глупейшая фальшивка. Бред!

– Господин Фарма, в твою компетенцию не входит обсуждать достоинства и недостатки послания, ты просто должен ответить на вопрос: будешь или нет его переписывать?

– А если я скажу «нет»?

– Это означает только то, что «да» твоя милость скажет несколько позже и в несколько иной обстановке. К тому моменту у тебя еще будет одна рука и два глаза, чтобы выполнить работу, но за сохранность остальных частей тела я не ручаюсь.

– Дайте мне время.

– О, сколько угодно! Вот перо, бумага. Я вернусь сюда завтра и надеюсь, увижу исполненную работу. После этого ты сможешь выйти отсюда.

– Я еще ничего не решил.

– У тебя целая ночь впереди, господин Фарма.

Фарма остался один. Он понимал, что у него нет выбора. Если бы жизнь Дракулы зависела только от его решения, он бы пожертвовал собой, спасая князя. Но участь князя была предreshена, и кроме этих «доказательств» Матяш придумал бы множество других. Одним фальшивым письмом больше, одним меньше... Если король не побоялся арестовать самого князя, что же тогда ждало Раду? Его бы смело, как песчинку в ураган, и никто бы не пришел ему на помощь.

Фарма взял перо, разложил перед собой бумаги. Он просто перепишет текст – не убьет, не подсыплет яд в чашу с вином, не ударит кинжалом в спину – всего лишь перепишет несколько строк. Состряпает нелепый документ, который при первом же взгляде вызывает улыбку. Тот, кто увидит фальшивку, сразу поймет, что это попытка оклеветать князя, и письмо, напротив, только послужит его оправданию. А раз так, отчего же не выполнить приказ? Надо любой ценой вырваться из темницы, а затем, уже будучи на свободе, рассказать правду о том, что происходило на самом деле.

¹⁴ В титул валашских князей кроме званий «великий воевода» и «господарь» входила частичка «Іо» – сокращение от священного имени Иоанн, обозначающего «Избранник Бога». Кара– Ифлакский бей – правитель черных влахов.

¹⁵ Семиградие – Трансильвания.

Он долго не мог начать писать, вертел в руках оставленные Бакоцем бумаги, но видел перед собой не текст, а лицо князя. Раду Фарма относился к немногим людям, хорошо знавшим Влада Воеводу. Дракула не проявлял своих чувств публично, никого не пускал к себе в душу и даже для большинства из тех, кто находился рядом с князем, оставался неразгаданной загадкой. С Раду получилось иначе – по долгу своей службы Фарма должен был записывать под диктовку различные документы, и во время работы Дракула просто не замечал своего секретаря, словно тот был частью его самого – рукой, выводящей строки писем. Только в такой обстановке, без посторонних князь позволял себе проявлять эмоции, тревожиться, сомневаться, злиться, а для остальных он всегда был спокоен, невозмутим, чуть насмешлив. Говорил немного, медленно, что особенно контрастировало со стремительностью движений, был хорошим оратором, воспламенявшим своей речью слушателей, но при этом никогда не терявшим контроля над ситуацией. Порой, смотря в лицо князя, Фарма пытался понять, где прячется его неуловимая усмешка. В глазах? В уголках губ? Но большие, темно-зеленые, немного выпуклые глаза Дракулы всегда были серьезны, а губы твердо сжаты.

Память отбросила назад, в прошлое, когда холодным зимним вечером Дракула со своими ближайшими товарищами находился в освобожденной от турок крепости Джурджу. Армия ликовала – болгарский поход стал серьезной победой Валахии, и только их воевода был мрачен, словно в триумфе не было его заслуги. В ту ночь он продиктовал несколько писем, направленных правителям европейских государств. Среди них было и послание королю Матьяшу, которое сейчас Бакоц оставил Раду вместе с нелепой фальшивкой, порочащей князя. Фарма перечитывал написанное ровно год назад письмо, а сам словно слышал голос воеводы. Тогда Дракула сбросил маску равнодушия, в его голосе звучало отчаянье, глаза сияли странным огнем, словно в них блестели слезы:

– Набери со всей страны войско, как из кавалеристов, так и пехотинцев, приведи их через горы в нашу страну и соизволь здесь биться с турками. А если твое величество не желает явиться самолично, тогда пришлите все войско в трансильванские владения твоего величества, еще до праздника Святого Григория....

Князь умолк, перо неподвижно застыло в пальцах Раду. Дракула долго молчал, а потом обратился к своему секретарю:

– Но они не придут нам на помощь. Каждый из тех, к кому я взываю, занят своими мелкими проблемами. Они, как слепцы, уверенно идущие к краю пропасти. Нам придется сражаться в одиночку. Ты пойдешь за своим князем до конца, Раду?

Тогда он ответил «да», не сомневаясь, что поступит именно так, и действительно остался рядом с Дракулой, когда многие соратники предали его. И во время страшного перехода через горы Фарма тоже был рядом со своим господином, а сейчас ему предстояло сделать выбор: предать князя, отречься, либо принять мученическую смерть, принеся бессмысленную жертву. Фарма долго сидел в оцепенении, а потом обмакнул перо в чернильницу и начал переписывать нелепую фальшивку, в которой князь якобы просил прощения у султана.

«Ты отречешься от меня трижды, прежде чем пропоет петух...» – упорно вертелось в голове, но Раду старался не отвлекаться, выводя на бумаге: *«Послы мои сказали бы тебе поболе, а я всю жизнь буду тебе верным слугой и рабом и молю Господа о продолжении жизни твоего величества на многие лета...»*.

Венгрия, королевский дворец в Буде

Епископ Далмации Николаус Модрусса, не так давно назначенный легатом¹⁶ в Буде, был недоволен своим нынешним поприщем. Венгерское королевство казалось ему краем

¹⁶ Легат – уполномоченный папы римского, направленный в иностранное государство с особой миссией.

земли, а нравы, царившие при дворе Матьяша, повергали в расстройство. Лукавый и непредсказуемый король, бесконечные интриги, разобраться в которых мог только человек, хорошо осведомленный в венгерской внутривластной жизни, а теперь еще и приказ папы, по сути, бросавший Модрусу в водоворот подковерной борьбы, лишали легата душевного равновесия. И все же, следуя инструкциям из Ватикана, епископ попытался провести собственное тайное расследование и выяснить, что же на самом деле произошло с высокопоставленным пленником Матьяша. Рискованное предприятие не дало результатов. По слухам Дракулу поместили в Соломонову башню возле Вишеграда, где обычно содержали знатных политзаключенных, но человек Модрусы, имевший кое-какие связи с начальником этой тюрьмы, утверждал, будто нет никаких письменных подтверждений, что узник находится именно там. Дракула исчез без следа, словно провалился под землю, и Модрусу предполагал, что такое утверждение было близко к истине, – возможно, пленника содержали в подвалах королевского дворца, сделав так, что никто не мог связаться с ним. Каждый дворец хранил свои тайны, разглашение которых могло стоить жизни. Оставалось ждать, когда Матьяш соизволит предоставить Модрусе возможность лично встретиться с пленником и выслушать его точку зрения. Модрусу настаивал на такой встрече, ссылаясь на волю папы, хотя и чувствовал, что может навлечь на себя гнев короля. Слушая просьбы легата, Матьяш только улыбался, отводил взгляд в сторону, обещая, что непременно устроит свидание с заключенным, ведь для самого Матьяша не было ничего важнее торжества справедливости.

За два дня до встречи Модрусе все же передали перехваченные письма, служившие главным доказательством вины валашского князя. Легата они не убедили – послания были написаны рукой другого человека, подписи Дракулы на них не стояло. Заметив недоверие на лице Модрусы, Бакоц, представивший улики, пустился в пространные объяснения, доказывая, что князь побоялся писать лично, и доверил это рискованное дело своему секретарю, но и его почерк прекрасно известен при венгерском дворе, поэтому Дракула в любом случае просчитался, пытаясь скрыть свое вероломство, спрятавшись за спиной другого человека... Модрусу вежливо кивал головой, соглашаясь с доводами чиновника, а затем спросил, когда же он сможет лично увидеться с пленником.

И вот сегодня должно было произойти то, чего столько времени добивался Модрусу. Матьяш утверждал, будто Дракула находился под домашним арестом в одном из отдаленных замков, поэтому встреча с ним представлялась затруднительной, но, наконец, валашский князь приехал в Буду. Со слов короля создавалось впечатление, что пленник был почти свободен, по собственной воле менял место жительства, а вся история с его арестом – простое недоразумение. Модрусу понимал, что таким способом венгерский монарх хотел подстраховаться и смягчить гнев папы, если тот все же прикажет освободить Дракулу.

Идти на встречу было недалеко, – «князь остановился» во флигеле дворца, поблизости от покоев самого Матьяша. Модрусу сопровождал Томаш Бакоц, человек, преданный королю и выполнявший самые щекотливые поручения. Бакоц остановился у порога, пропуская вперед папского посланника. Тот, ради кого Модрусу пришел сюда, уже находился в комнате. Князь Валахии сидел в кресле у окна и, кажется, даже не обратил внимания на вошедших людей. Взгляд его широко раскрытых глаз был неподвижен и устремлен в пустоту. Модрусу подошел ближе, представился, но человек в кресле никак не отреагировал на его приветствие.

– Господин воевода сегодня не в духе, – прошептал на ухо Модрусе стоявший рядом Бакоц. – С тех пор, как он потерял власть, и мы уличили его в тайной переписке с султаном, он замкнулся, ушел в себя и пребывает в черной меланхолии. Должно быть, его мучает совесть. Но не буду вам мешать, может быть, он все же пожелает вступить в беседу.

Легат полагал, что чиновник покинет комнату, однако тот лишь отступил в сторонку, сел на краешек кресла, с подчеркнутым вниманием просматривая какие-то бумаги. Было

ясно, что свидание наедине невозможно, а требовать, чтобы их оставили одних, – слишком опасно. Впрочем, Модрусса уже сумел понять суть происходящего, для этого ему оказалось достаточно одного взгляда, которым он окинул пленника.

Сидевший перед легатом человек мог в любую минуту потерять сознание от боли. Модруссе несколько раз доводилось присутствовать на допросах, и он знал, как выглядят и ведут себя люди, подвергшиеся пыткам. Пленник был хорошо одет, тщательно выбрит, но внешняя опрятность не могла скрыть следов работы палачей. Распухшая голова, налитое кровью лицо и отекаящая шея, не вызывали сомнения в том, что голову пленника долго сжимали тисками. Подвергшийся такой пытке человек вряд ли мог связно говорить, тем более – давать какие-то объяснения. Матяш вновь подстраховался, несмотря на то, что встреча состоялась, валашский князь физически не мог ничего сказать в свое оправдание. Модрусса подошел ближе, заглянул в застывшие, до краев наполненные болью глаза Дракулы.

– Его преосвященство Пий II поручил мне разобраться в случившемся. Ты, господин воевода, обвиняешься в государственной измене, у тебя есть, что сказать в свое оправдание? Может быть, у тебя имеются неопровержимые доказательства своей невиновности? Мой долг, как посланника, выяснить все обстоятельства дела и сообщить их его преосвященству, чтобы он, опираясь на полученные сведения, мог принять окончательное решение.

Слова папского посланника доносились, как сквозь толстый слой войлока. Влад чувствовал, что сейчас его голова взорвется, развалится на куски, он хотел сжать ее ладонями, но не смог поднять рук. Все вокруг заволочло красным туманом и постоянно ускользало куда-то в сторону, при этом оставаясь на одном месте. Но от разговора с легатом зависело очень многое, папа Пий был на его стороне, и Владу надо было только сообщить о своей невиновности Ватикану. Однако для этого следовало открыть рот, сделать какие-то усилия, а от малейшего движения его голова мгновенно развалилась бы на куски... И все же надо было бороться, использовать выпавший на его долю последний спасительный шанс. Отчаянным усилием воли, Дракула заставил себя подняться с кресла, шагнул навстречу Модруссе:

– Я не писал султану... Я служу церкви и королю...

Влад говорил тихо, не своим голосом, и все же его услышал не только Модрусса, но и сидевший вдали Бакоц. Чиновник неловко поднялся, задел стол, и серебряный поднос, стоявший рядом, с оглушительным звоном упал на пол. Резкий звук окончательно расколол голову Влада, и он почувствовал, что проваливается в обжигающий мрак.

– Господину воеводе последнее время нездоровится – лихорадка, – Томаш Бакоц проворно встал между Модруссой и упавшим в кресло пленником. – Думаю, лучше оставить его одного.

– Да, конечно.

Легат еще раз посмотрел на Дракулу. Князь потерял сознание, его распухшая, значительно увеличенная в объеме голова без сил упала на грудь...

Модрусса ушел с тяжелым сердцем. Никакие аргументы пленника не убедили бы его больше, чем то, что с ним сделали. Этот человек был, скорее всего, не виновен, но Модрусса знал, что не сможет сообщить свои впечатления папе. С самого первого дня пребывания в Буде епископ Далмации подозревал, что его корреспонденция проходит через руки короля, а теперь, после встречи с Дракулой, его подозрения переросли в уверенность. Преследуя свои цели, Матяш делал все возможное, чтобы пленник остался в тюрьме, и не стоило вставать на пути правителя венгерского королевства. Видя, что король не останавливается ни перед чем, Модрусса начал опасаться и за свою жизнь. Формально ему ничего не грозило, при дворе царили либеральные нравы, но от несчастного случая не был застрахован никто. А «несчастные случаи» здесь происходили довольно часто, разрешая встававшие перед королем проблемы.

Модрусса задумчиво крутил в руках перо. Он понимал, какой именно отчет устроит Матьяша, но никак не мог приступить к его написанию. Перед глазами стояло лицо пленника, вспыхнувшая на миг в его глазах мольба и надежда. «Его преосвященство умный и проницательный человек, он умеет читать между строк, – раздумывал Модрусса, вырисовывая на клочке бумаги затейливые виньетки. – Я, прежде всего, должен заботиться о себе, не ввязываться в чужую борьбу, но если искусно вплести в текст письма нужные факты, его преосвященство поймет, что случилось на самом деле. Если, конечно, захочет».

Модрусса начал писать, обстоятельно излагая подробности произошедшей встречи. Приступая к описанию внешности валашского князя, легат задумался, подбирая нужные слова.

«Он был не очень высоким, но очень коренастым и сильным...» – Модрусса вновь отложил перо, раздумывая, как бы получше сформулировать свои впечатления.

– Ужасно выглядел, – пробормотал он. – Просто ужасно. Хорошее слово. Именно – ужасный.

Каждый по-своему мог трактовать это прилагательное. Выражение «ужасный вид» могло удовлетворить и Матьяша, который старался представить своего пленника чудовищем, но в то же время передавало ощущения самого Модруссы, неприятно пораженного измученным видом *ужасно* выглядевшего пленника.

– Понимающему – достаточно, – усмехнулся Модрусса и продолжил писать.

«Он был не очень высоким, но очень коренастым и сильным, с холодным и ужасным видом, сильным орлиным носом, вздутыми ноздрями и тонким красноватым лицом, на котором очень длинные ресницы обрамляли большие широко открытые зеленые глаза...» Последняя фраза показалась Модруссе слишком сочувственной – описание красивых обрамленных густыми ресницами глаз, явно не соответствовало образу злодея-заговорщика. А потому, повертев перо, легат добавил: *«...густые черные брови делали его вид угрожающим»*. Матьяш оказался бы вполне доволен этой фразой, и теперь следовало намекнуть папе о пытках, которым подвергали пленника, но сделать это вскользь, не привлекая внимания короля. Модрусса уже написал о *«красноватом лице»*, однако этого было недостаточно. *«Его лицо и подбородок были выбриты, но имелись усы, вздутые виски увеличивали объем его головы, бычья шея связывала его голову с туловищем, волнистые черные локоны свисали на его широкие плечи...»*

«Вздутые виски увеличивали объем его головы – надеюсь, его преосвященство поймет, о чем идет речь. Голова без посторонней помощи не распухает и не наливается кровью» – вполне довольный выходом из затруднительного положения, Модрусса продолжал писать отчет понтифику.

Венгрия, темница в Буде

Сначала вернулись ощущения. Боль. Холод камня под распростертым телом. Потом пришел страх. Юсуф-бей и его люди умели внушать ужас, и невозможно было без трепета ожидать их появления. Влад знал, что не покорится палачам, никогда не отречется от своей веры, но отчаянно боялся мучителей, сознавая, что абсолютно беззащитен перед ними. Физические муки, страдания тела ничего не значили в сравнении с вечной жизнью, но сейчас, находясь в застенках Эгригеца, трудно было думать о спасении души...

А вслед за страхом вернулось осознание действительности. Память обманула Дракулу, перенесла почти на пятнадцать лет назад. Он находился не в турецкой тюрьме и не Юсуф-бей принуждал его отречься от православной веры, нет, судьба швырнула князя в венгерские застенки, и теперь другие палачи требовали от него сознаться в том, чего он не совершал. Многое, очень многое переменялось за эти годы, но только тело, как прежде, страдало от

боли, а душа изнывала от страха, обиды, несправедливости. И тогда, и теперь Влад был невиновен, но враги пытались сломить его, силой добиваясь своих целей. Хотя много лет назад, в Турции, было намного страшнее. Мальчишка, за плечами которого осталось только благополучное детство княжеского сына, еще не знал, как несправедлива жизнь, впервые столкнувшись с жестокостью и унижениями.

Когда Дракул объявил, что его сыновья отправляются «погостить» в Турцию, а на самом деле становятся заложниками – гарантией хорошего отношения с Портой, Владу стало впервые по-настоящему страшно. Он знал, что не должен испытывать этого недостойного настоящего мужчины чувства, но ничего не мог поделать с собой. Страх так и остался мрачным спутником двух мальчишек, отправившихся на чужбину летом далекого 1444 года.

Вопреки предположениям Дракула, юных заложников поселили не при дворе султана, а в отдаленной крепости Эгри-гез на побережье Анатолии. Маленький Раду, который, как и все дети, быстро забывал неприятности, был в восторге от своего нового места жительства. Огромное сверкающее море, сосновые леса – все вокруг было так великолепно, так непохоже на скромные пейзажи Валахии, все вызывало восторг и любопытство. Влад тоже успокоился, увидев, что начальник крепости Юсуф-бей относится к нему с братом, как и подobaет относиться к детям князя, и не пытается притеснять их в православной вере. Правда, от мальчиков требовали изучать Коран, но они делали это с интересом. Влад привык много учиться, чувствуя в себе постоянную потребность впитывать знания, в юности он не мог обходиться без книг, стремился узнать все, а потому читал, читал и читал, понимая, что мудрость можно постичь только через книги. Так же в крепости проводились занятия по военному делу, и юный княжич с интересом осваивал новые приемы владения оружием, тактику ведения боя, принятую в Османской империи.

Эгригез был тихим местом, где время текло неспешно как патока. Владу было почти хорошо там, если бы не тоска по дому, которая обычно подкрадывалась по ночам, неожиданно, стремительно, одной волной захлестывала душу, да еще боязнь забыть свой родной язык. Вокруг слышалась только чужая речь, и порой он ловил себя на том, что сам начинает думать на турецком языке. Спасали только разговоры с Раду – заложники болтали на родном языке, и этот золотоволосый, похожий на ангела мальчик словно совершал чудо, перенося Влада назад, домой, в сады Тырговиште.

Что такое жизнь в плену, когда твоя судьба полностью находится в чужих руках, Дракула начал понимать несколько позже, когда через пару месяцев после переезда в Турцию их с Раду повезли в Адрианополь¹⁷, чтобы представить султану Мураду II. Влад был подавлен тем, что увидел по дороге, – множество казненных людей, выставленные на копьях головы пленников и тела тех, кто еще был жив и корчился на кольях, отчаянно призывая смерть. Однако смерть не приходила, и казненные продолжали висеть на кольях, как туши животных. Дракула не хотел смотреть на них, проезжал мимо с непроницаемым лицом, стараясь не выдавать охватившего его смятения, но нечаянно встретился взглядом с одним из умирающих. Полный запредельной муки взгляд отпечатался в памяти, как брызги расплавленного металла, вошел в нее, прожигая насквозь. А еще юных валашских заложников поразила роскошь императорского двора и то огромное количество людей, находившихся вокруг. Может быть, именно тогда Влад Дракула впервые понял, насколько опасен этот враг и как трудно будет сражаться с ним. Но битвы ждали впереди, а пока, проезжая по улицам Адрианополя, Влад не сомневался, что отец поступил верно, заключив мирный договор с османами и скрепив его судьбами своих сыновей, ведь маленькая Валахия не могла противостоять огромной империи.

¹⁷ Адрианополь (турецк. Эдирне) являлся столицей Османской империи до захвата Константинополя в 1453 году.

В сороковые годы XV века власть в Турции поочередно делили между собой два правителя: султан Мурад и его сын Мехмед. После поражения османов и заключения Сегедского мира Мурад II решил отойти от дел, оставив страну своему наследнику – третьему, рожденному от наложницы сыну Мехмеду. После смерти двух своих старших братьев Мехмед, неожиданно для всех, стал единственным законным наследником престола, и хотя отец поздно обратил внимание на его воспитание, все же успел дать сыну хорошее образование. Мехмед изучал философию, основы других наук, бегло говорил на пяти языках. Мурад дважды пытался отойти от дел и оставить страну своему сыну, однако высокомерное и вызывающее поведение отпрыска наложницы отталкивало от него двор. К тому времени, как сыновья Дракула прибыли в Адрианополи, Мурад еще оставался султаном, но готовился передать дела Мехмеду, и тот повсюду сопровождал отца, готовясь к нелегкому поприщу властителя могущественной империи. Переступая порог дворца, Влад и Раду не знали, что, спустя совсем немного времени, великий правитель Азии, утомленный мирской суетой и разочарованный ратными неудачами, предпочтет добровольно отказаться от власти и стать отшельником, уединившись в Магнезии. Не могли знать заложники и того, что грозный Мурад осенью того же года снова ненадолго вернется на трон, и это событие роковым образом отразится на их судьбах...

Подробности той, первой аудиенции со временем стерлись из памяти Дракулы, запомнилось только лицо наследника османского престола. Мехмед оказался ровесником Влада – рыжеватый парень с огромным носом и колким взглядом небольших глаз. Он изучающее смотрел на иноземцев, вертел в руках сорванный цветок, а его губы то и дело складывались в не предвещавшую ничего доброго усмешку...

Сыновья Дракула хотели как можно скорее вернуться в Эгригез, который казался им домом в сравнении с шумным, многолюдным Адрианополем, однако султан распорядился, чтобы «гости» из Валахии остались во дворце. Прошло несколько дней. В тот вечер Влад уже ложился спать, когда в комнату вбежал Раду. Он был расстроен, на щеках горел яркий румянец:

– Он ведь не должен так поступать?! Я все правильно сделал, Влад? Правильно?!

Владу не сразу удалось успокоить брата, понять его сбивчивый рассказ. Но когда он узнал о том, что произошло с Раду, его кулаки сами собой сжались от ярости, а в голове мелькнула дерзкая мысль убить наследника султана. Мехмед милостиво относился к братишке Дракулы, но как оказалось, его милость имела определенный смысл. Раду был настоящим красавчиком, а его шелковистые кудри цвета спелой пшеницы привлекали внимание всякого, кто видел его. Будущий султан позвал мальчика в свои покои, угостил сладостями, а потом решил соблазнить, попытавшись принудить к тому, о чем мерзко было даже подумать. Трудно сказать, понял маленький Раду до конца или нет, что именно должно было произойти, но он ответил на ласку Мехмеда так, как и подобало в такой ситуации. Сын валашского князя уже носил оружие, а потому сделал все, чтобы защитить свою честь, отстаивая ее с кинжалом в руках.

– Он ведь не должен был так делать, Влад? – повторял Раду, только теперь дав волю слезам. – Ведь это же грешно!

– Ты поступил, как мужчина.

Влад потрепал его по волосам, обнял за плечи. Он гордился поступком Раду, маленький девятилетний мальчик повел себя достойно, однако с тревогой ждал последствий этого поступка. То, что сделал Раду, можно было рассматривать и как неповиновение, и как покушение на священную особу наследника престола, и это не могло остаться безнаказанным. Всю ночь Дракула не сомкнул глаз, ожидая, когда за ними придут. Он твердо решил, что не отдаст Раду и будет защищать его до последней капли крови, хотя понимал бессмысленность самопожертвования. Сила была на стороне турок, он не мог ничего противопоставить ей,

только впустую отдать свою жизнь. И все же, вспоминая сладкую усмешку Мехмеда, Влад представлял, как вонзает кинжал в его сердце.

Ночь прошла спокойно, а на следующее утро Дракуле приказали явиться к султану. Перед входом в покои правителя Влада обыскали и обезоружили. Возмездие казалось неминуемым, и Влад приготовился с честью встретить свою участь. Войдя в сияющее золотом помещение, он окинул пространство взором, но увидел не султана, а его сына. Мехмед вел себя так, словно ничего не произошло, – он приветствовал Влада милостивой улыбкой, предложив лежавшие на золотом подносе сладости. «Гость» вежливо отказался, но лицо выдавало его подлинные чувства. На губах наследника еще сильнее расплылась улыбка:

– Можешь не хвататься за кинжал, которого у тебя нет. У тебя замечательный брат, и я думаю, очень скоро мы найдем с ним общий язык. Объезжать норовистого скакуна занятней, чем покорную клячу.

Сколько времени потратил старый учитель на то, чтобы его ученики умели вести себя в самых сложных ситуациях, сохраняя присущее князю достоинство, но Влад просто потерял дар речи от слов Мехмеда, едва сдерживая бурлившую в душе ярость. Обстановку разрядило появление султана.

– Я вызвал тебя не из-за детских забав, – произнес Мурад, пристально посмотрев на стоявших лицом к лицу юношей. – Я желаю поговорить о твоём будущем. В твоих жилах течет благородная кровь, ты храбрый и умный юноша, которого ждет большое будущее. Мне нужны такие люди. Сейчас ты гостишь у нас, но ничто не мешает тебе сделать свой выбор и остаться с нами. Ты получишь здесь очень многое, если, конечно, проявишь должное усердие и преданность. И потом, я думаю, ты уже понял главное – к власти в твоём княжестве приходят, только заручившись поддержкой сильного союзника, – нас или, например, Венгрии. Сейчас у власти находится твой отец, он верно служит нам, но только Аллаху известно, как сложатся наши судьбы. Однажды перед тобой встанет вопрос, как получить принадлежащую тебе по праву власть, и тогда ты вспомнишь об этом разговоре. Но не будем заглядывать так далеко вперед. Угощайся...

И, ненавидя себя за слабость, Влад покорно взял с золотого блюда лакомство, от которого его пальцы сразу стали липкими.

– Тебе предстоит сделать военную карьеру, стать янычаром. Это только начало пути, первая ступенька лестницы, которая может привести тебя к власти. Но для того, чтобы быть уверенным в тебе, ты должен отречься от своего Бога и перейти в истинную веру.

– Нет!

Восклицание само сорвалось с губ, и в этот момент Дракула почувствовал, как вязкая патока, сковывавшая душу, исчезла, и он вернул себе свободу.

– Другого ответа я и не ждал, – невозмутимо откликнулся Мурад II. – И это достойный ответ, ведь если бы ты так легко относился к столь важным вопросам, разве можно было бы доверять такому человеку? Нет, я обещал твоему отцу не принуждать его сыновей к перемене веры, а потому ты свободен в своём выборе. Но ведь ты уже изучаешь Коран, не так ли?

– Да, о величайший самодержец, волею Божьей владыка земли и моря.

– Отлично. Ты должен продолжить его изучение с опытным наставником, и я убежден, что однажды ты постигнешь великую мудрость нашей веры и сам добровольно откажешься от своих заблуждений.

Дни тянулись размеренно и спокойно. Султан Мурад покинул Адрианополь, передав власть сыну, и это окончательно решило судьбу Раду. Влад все реже виделся с братом, и они больше никогда не говорили по душам. Мальчик не выдержал давления нового султана, стал игрушкой в его руках, но старший брат не осуждал его, ведь, по сути, он поступал так же – с интересом изучал военную науку, зубрил священные тексты и вообще был вполне доволен своей судьбой. Но недолго. В начале зимы братьев призвали во дворец и сообщили:

– Ваш отец предал вас. Он вероломно нарушил договоренности с Османской империей и пусть не лично, но участвовал в очередном походе крестоносцев, послав им на помощь отряд во главе со своим старшим сыном. Теперь вы уже не гости султана, а его пленники, с которыми он будет распоряжаться по законам военного времени.

Только спустя несколько лет Влад узнал, что пока они с Раду спокойно жили в Адрианополе, крестоносцы, во главе с королем Польши и Венгрии Уласло I, Яношем Хуньяди и кардиналом Чезарини предприняли новый поход против османов, нарушив подписанный ими же самими всего несколько месяцев назад мирный договор. Ватикан был недоволен половинчатыми итогами кампании и устами Чезарини начал призывать к возобновлению военных действий. У кардинала нашлось много сторонников, и христианская армия направилась к Варне. Узнав о вероломном нарушении Сегедского договора, Мурад пришел в ярость и, отказавшись от уединения отшельника, вновь возглавил османскую армию, намереваясь покарать клятвопреступников. Сражение при Варне оказалось роковым для христиан – крестоносцы были разбиты, король Уласло I и кардинал Чезарини погибли, а Хуньяди бежал.

Тень трагедии накрыла и второго сына валашского князя Дракула. Вряд ли кто-то осмелился бы тронуть Раду, ставшего фаворитом султана, а для Влада начались тяжелые времена. Вернувшись в Эгригез, он постоянно слышал угрозы о том, что его собираются убить или ослепить, условия жизни в крепости стали намного хуже и напоминали тюремные. Княжеский сын был всего лишь разменной картой в политической игре, Влад понимал это, но все же обида переполняла сердце, – он не был виновен ни в чем, не нарушал никаких законов, вначале покорно исполнял волю отца, затем – султана, а с ним обращались словно с преступником. Тот же самый начальник крепости Эгригез Юсуф-бей, прежде такой радушный и добрый, переменялся, относясь к заложнику как к личному врагу. Когда он осмелился впервые ударить Влада, юноша остолбенел от гнева и удивления, но потом это стало уже привычным. Жизнь качалась как качели, и отношение к сыну валашского князя менялось в зависимости от политической ситуации. Дракул сохранял нейтралитет, – и условия жизни Влада улучшались, он вновь продолжал обучение, совершенствуя свои знания в военном искусстве, стоило князю предпринять новый поход против османов, – и его сын превращался в бесправного пленника, терпевшего побои, голод и унижения. Люди, окружавшие Влада, не испытывали к нему зла, но заложник не сомневался, что они в любой момент могут перерезать ему горло или, выколов глаза, набить глазницы раскаленными угольями. Однако, если где-то там, в Адрианополе, султан менял гнев на милость, палачи становились приветливы и вели себя так, словно были давними друзьями. К такой жизни можно было привыкнуть, смириться с резкими переменами судьбы, если бы не одно обстоятельство, – все чаще поднимался вопрос об отречении от православной веры, и постепенно это становилось главным условием сохранения жизни заложника. Влад по-прежнему отвечал отказом, но хорошо понимал – очень скоро хрупкое равновесие нарушится и придет время окончательного выбора. Сын князя перестал быть ребенком, податливой глиной, из которой могли лепить все что угодно. Дракула никогда бы не выбрал ислам, предпочтя предательству веры смерть. Это знали и он, и его мучители.

Но летом сорок седьмого года пленник почувствовал дуновение свободы. Из Валахии пришли хорошие вести – Дракул заключил новый мирный договор с Портой, его сыновей перестали называть заложниками, и впервые за несколько лет Влад позволил себе мечтать о возвращении домой. Это была несбыточная, фантастическая и завораживающая мечта. Дракула запомнил как в один из тех, наполненных ожиданием дней ему пришла в голову мысль, что над всем миром раскинулось одно голубое небо и, может быть, кто-то в Валахии сейчас смотрит, запрокинув голову в небесную синь. Тогда мечтатель даже не обратил внимания на

подошедших к нему людей и, лишь почувствовав железную хватку их рук на своих плечах, понял, что ошибся, надеясь на счастливое завтра.

О том же, что последовало за осененным призрачной надеждой днем, Дракула предпочитал не вспоминать. Зачем? Разве отличалась турецкая темница от венгерской, а одни палачи от других? Можно исповедовать разные религии, говорить на разных языках, но искусство причинять боль ближнему по сути одинаково повсюду. Влад видел как пытаются и казнят в турецких застенках, сам испытывал страдания, познав страх ожидания расправы и боль, причиненную палачом. Он узнал, как сжимается в одну точку целый мир, когда постоянно, час за часом, день за днем угасают мысли и желания и все сводится к одному короткому слову «нет», которое пересохшие губы повторяют как молитву, а мозг почти не понимает смысла сказанного. Он узнал, что испытывает человек, когда от боли не хочется жить, смерть кажется спасением, а само время становится палачом, до бесконечности растягивая мучения. Влад прошел этот путь, хотя порой ловил себя на мысли, что подобная стойкость не более чем нелепое, неразумное упрямство, он, вопреки всему, продолжал упорствовать, стараясь не думать о том, что ждет его на следующий день.

Иногда мучители давали небольшую передышку и занимались «душеспасительными» беседами, пытаясь убедить узника в ложности христианской веры. В такие дни хотя бы можно было поесть и немного передохнуть от пыток.

– Тебе оставят жизнь, только если ты будешь покорным, – говорил во время таких бесед Юсуф-бей. – Твой брат вырос и скоро станет претендентом на трон Валахии. Ты оказался не у дел. У тебя есть совсем немного времени, чтобы опередить Раду. Если ты согласишься принять ислам, принесешь клятву верности, ты сможешь рассчитывать на власть. Иначе – тебя ждет смерть.

– Трон Валахии принадлежит моему отцу, затем его унаследует Мирча. Я никогда не пойду против них. Сначала вы убеждаете отречься от веры, затем выступить против отца. Что вы предложите завтра?

– А если бы престол был свободен?

– Но это не так. Мой отец заключил с вами новый договор, неужели султану этого мало? Почему он хочет, чтобы сыновья пошли против отца?

Юсуф-бей так и не ответил на эти вопросы. Ушел. А вскоре камеру, где находился Влад, посетил еще один гость.

– Влад!

– Раду?!

Это действительно был Раду, но брат не узнал его в первый момент. За время разлуки парень вырос, стал еще красивее, но был одет в турецкое платье и от этого казался чужим. И все же это был любимый маленький братишка Влада. Они обнялись, сели рядом и только тогда Влад заметил печать горя на его хорошеньком, почти детском личике.

– Что случилось?

Но Раду уже не надо было отвечать на этот вопрос. Дракула вспомнил вчерашний разговор с Юсуф-беем и почувствовал, как холодеет от предчувствия страшной беды.

– Отец? – спросил он, не узнав своего голоса.

– И отец... и Мирча...

Влад воспринял весть со странным спокойствием, только гладил брата по волосам, успокаивая его, а потом Раду рассказал о самом страшном.

– Трансильванский воевода был разгневан тем, что отец заключил мир с нами...

Он так и сказал «с нами», но Влад не стал поправлять его, понимая, что Раду и душой и телом принадлежал султану, да сейчас это не имело значения.

– Хуньяди организовал карательную экспедицию с одной только целью – сместить отца. Около Тырговиште был бой, Мирча погиб, прикрывая отступление отца, отцу удалось бежать, но Хуньяди настиг его где-то в районе Снагова, и он погиб...

– Убит?

– Точно не известно. Говорят, сгинул в болотах. Но то, что он мертв, не вызывает сомнений.

Тоска пришла позже, она навсегда поселилась в сердце, но в первый момент Влад не чувствовал ничего. Это была сухая констатация фактов, признание очевидного.

– Влад, прими ислам. Мы братья, мы должны быть вместе. Больше у нас никого не осталось.

– Тебя за этим и послали сюда?

– Влад!

– Прости. Ты прав, Раду, нашей семьи больше нет. Но скажи, кто будет молиться за души отца и Мирчи? Кто будет молить Господа с миром упокоить их? Если я отрекусь от православия, я предам отца, который воспитал меня в этой вере, предам брата.

– Но тебя же убьют!

– Значит, я встречу с ними на небесах.

– Ты плохой! Плохой! – он набросился на брата с кулаками, осыпая градом ударов и рыдая в голос. – У меня только ты есть! Я только тебя люблю! Я все время о тебе думаю! Не бросай меня! Мне страшно здесь! Плохо!

Влад не мог говорить. Раду рыдал, уткнувшись в его плечо, он тоже хотел плакать вместе с ним, но слез не было, только пустота в груди, словно от него самого осталась только оболочка – еще живая, но уже лишившаяся души. Вскоре Раду выбежал из камеры, и, глядя ему вслед, брат подумал, что видит его последний раз в жизни.

Но предчувствие обмануло. Дракула вновь встретил брата через несколько месяцев в Адрианополе, при дворе султана. Колесо фортуны повернулось, предвещая удачу, гнев сильных мира сего сменился на милость... Измученного узника доставили во дворец, нарядили в парадные одежды, стали обращаться с почтением, вновь величая «дорогим гостем». Влад встретился с братом, и вскоре они предстали перед Мурадом II, в то время вернувшим себе турецкий трон. Правитель империи неожиданно сообщил, что отныне сыновья Дракула свободны и вольны поступать, как им заблагорассудится. Раду немедленно изъявил желание остаться при дворе, а Влад не знал, что делать дальше. На родину возвращаться было нельзя – ставленник Хуньяди, князь Владислав II, убил бы его, как убил брата и отца, а оставаться в Турции Влад не хотел, да и не мог. Он отстаивал свое право на веру отцов, а христианин не мог рассчитывать на карьеру при дворе султана.

Мурад неожиданно приказал всем покинуть зал, пожелав остаться наедине с Владом. Вышли все, включая Раду и Мехмеда. То, как Мехмед посмотрел на Раду, не оставляло сомнения в том, что они были близки. Ненависть к человеку, превратившему Раду в свою игрушку, снова вспыхнула в сердце, но Влад подавил ее. Ненависть была роскошью тех, кто обладал реальной силой...

– Я очень недоволен, что ты не перешел в истинную веру, – негромко заговорил Мурад. – Но я вижу перед собой человека, пусть и заблуждающегося, однако сильного духом и способного служить своему благодетелю. Буду с тобой откровенен. Я полностью доверяю Раду и рад был бы видеть его на престоле Валахии, он уже знает, что ему обещан трон. Увы, сейчас он слишком мал, а ребенок не может бороться за власть. Но ждать нельзя! Твой отец был неважным союзником, он петлял, как лисица, метался между двух огней, из-за своей слабости не решаясь сделать окончательный выбор. Все это так, но Дракул был моим вассалом, а нынешний валашский князь служит Хуньяди. Баланс сил сместился в сторону Венгрии, и это начинает беспокоить меня. Ты проявил негибкую волю, а теперь настало

время продемонстрировать разум. Молись своему Христу, но обещаю служить мне, и тогда я помогу захватить власть в Валахии. Ты законный наследник престола, и большинство бояр поддержит тебя. Готов ли ты принять помощь из моих рук?

Дракула согласился, не раздумывая. Отец учил его, что власть надо добывать любым путем, даже получив ее из рук врага, но в тот день Владом руководили совсем другие мотивы.

Он понимал, что получил реальный шанс отомстить убийцам, и было бы преступлением отказаться от него.

Так в 1448 году Влад Дракула стал турецким кандидатом на престол Валахии. Ему дали офицерский чин и полную свободу. Пришло время ожидания. Османская империя не хотела вступать в лобовое столкновение с Венгрией и вводить на территорию Валахии свои войска, поэтому претенденту самому предстояло найти удобный случай для захвата власти и действовать самостоятельно. А пока юноша жил в Адрианополе, пытаясь налаживать связи с теми из валашских бояр, кто, как он знал, поддерживал его отца. С Раду они почти не встречались. Фаворит султана избегал брата, да и сам Влад не стремился к этим встречам.

Удобный случай представился осенью сорок восьмого года, когда Владислав II отправился в новый крестовый поход, организованный Яношем Хуньяди. Войска князя ушли из Валахии, и можно было без кровопролития занять ее трон. Бей Никополя одолжил Дракуле небольшой отряд, во главе которого, он и должен был вступить в Тырговиште. Впрочем, рассчитывать претенденту приходилось не столько на военную силу, сколько на поддержку бояр, недовольных усилением венгерского влияния в княжестве.

Перед отъездом из Адрианополя Влад простился с Раду. Их встреча была короткой и сухой. Хотя Раду исполнилось только тринадцать, он уже прекрасно понимал, что между братьями разорвалась последняя связь родства. Случилось то, о чем когда-то говорил их отец, и они превратились в конкурентов, борющихся за власть. Детство кончилось, наивные привязанности и любовь остались в прошлом...

Расчеты оказались верны, Дракула без боя вошел в Тырговиште, занял дворец, где прошло его детство. Большинство бояр покинуло город, отправившись в крестовый поход вместе с Владиславом II, а оставшиеся приняли появление нового воеводы спокойно. Князя избирали на собрании бояр, осенью сорок восьмого не было кворума, но Влад все же провозгласил себя правителем княжества, и никто не оспаривал его решения, ведь на стороне Дракулы находился отряд, данный беим Никополя, и на тот момент это была единственная военная сила, присутствовавшая в Тырговиште.

Возвращение домой оказалось мучительным. Когда новоявленный князь вступил в столицу, его переполняла радость победы, но как только он оказался в жилых покоях дворца, тоска железными клещами сжала сердце. Здесь все было связано с Мирчей. Здесь братья играли, учились, здесь, под старым дубом, принесли клятву верности. Казалось, брат был рядом, его звонкий голос мог в любой момент нарушить тишину старого сада, но лезвие смерти отсекло прошлое, нанеся глубокую рану, и оставалось лишь уповать на то, что когда-нибудь ее исцелит время.

Могила Мирчи находилась в кафедральном соборе, Дракула часто приходил туда, молился, но никак не мог представить, что его брат лежит под этой каменной плитой. Тогда воевода еще не подозревал, какую чудовищную тайну она скрывает... В соборе нашли последний приют много славных князей из рода Басараба, но здесь не было могилы воеводы Дракула. Сознание этого тяжелым камнем лежало на душе, ведь долг сына состоял в том, чтобы придать тело отца земле в соответствии с православными канонами. Когда Влад думал, что его отец остался лежать где-то в болотах, то чувствовал горечь и злость. Сын должен был найти место гибели своего отца! И должен был отомстить его убийцам!

С первого же дня пребывания у власти Влад Дракула начал расследовать обстоятельства гибели семьи. Помимо Хуньяди, в заговоре участвовали члены семьи Данешть, и

прежде всего захвативший престол Владислав, а также поддерживавшие его бояре, многие знатные жители Тырговиште. Новый князь хотел честного суда, но вину сваливали на отсутствующих – тех, кто сопровождал Владислава II в походе и находился вне досягаемости правосудия. Только по прошествии времени Дракула понял, какую совершил ошибку в первый, короткий период своего правления, – он следовал велению сердца вместо того, чтобы руководствоваться разумом. Ему надо было заниматься укреплением власти, а он все силы отдавал поискам справедливости. Это рвение и стало одной из причин поражения. Знать Тырговиште боялась расследования и справедливого возмездия, а потому попыталась сместить «глубоко копавшего» князя.

Ночами Влад просматривал бумаги своего отца и князя Владислава, пытаясь понять как вести государственные дела, что значит – управлять страной. Особенно трудно было разобраться с документами, связанными с торговлей. Пошлины, налоги, разрешения и запрещения на хождение различных денежных знаков в стране, – молодой правитель и представить себе не мог, что все это входит в компетенцию князя. Ведь в юности казалось, что главная задача воеводы состоит в охране границ, создании сильной армии. Но для всего этого требовались деньги...

Время перевалило далеко за полночь, комнату освещала только одна свеча, а Дракула читал и читал бумаги – черновики писем, по которым он пытался восстановить политику своего отца. Внимание привлек один из листов, черновик письма к старейшинам Брашова. На нем не стояло даты, но было понятно, к какому времени он относился. Отец писал твердо, уверенным почерком, его рука ни разу не дрогнула, когда выводила безжалостный приговор: *«Пожалуйста, пойми, что я позволил убить своих маленьких детей ради христианского мира. Для того чтобы оба: и я, и моя страна, могли продолжать существовать как вассалы императора».*

Листок упал на стол. Отец приносил сыновей в жертву, прекрасно понимая, что своей поддержкой Венгрии обрекает их на смерть. Влад всегда подспудно чувствовал это, и письмо только подтвердило самые мрачные догадки. Оставшиеся до восхода солнца часы прошли трудно, но с рассветом, как тучи за окном, сомнения рассеялись. Влад понял – он не должен судить своего отца, что бы тот ни делал, как бы ни распоряжался судьбами сыновей. Отец имел на это право, ведь именно он даровал им жизнь.

А известия, присланные гонцами, были тревожными. В битве на Косовом поле, которая длилась целых три дня, Мурад II разбил армию крестоносцев, нанеся ей сокрушительное поражение. Судьба Яноша Хуньяди первое время оставалась неизвестной, трансильванского воеводы не было ни среди живых, ни среди мертвых, а его армия оказалась полностью разгромлена. Сам же султан после похорон своих погибших устроил пир на поле боя и три дня пировал среди непогребенных тел христиан. Победа турок давала Дракуле больше шансов удержаться у власти, но он испытывал не радость, а гнев. Душою князь принадлежал к стану побежденных, это были его единоверцы, над телами которых глумились неверные.

Дальнейшие события ноября сорок восьмого складывались угрожающе и для нового валашского воеводы. Когда Владислав II узнал о том, что узурпатор захватил власть в стране, он собрал остатки венгерской армии и вместо того, чтобы прийти на помощь попавшему в сербский плен Хуньяди, отправился в Валахию. Дракуле предстояло вступить с ним в сражение, чтобы на деле доказать, кому принадлежит власть в княжестве. Битва должна была состояться недалеко от Тырговиште и стать боевым крещением Влада. Ночь накануне сражения прошла беспокойно. Дракула приобрел хорошее военное образование в Турции, но полученные им знания пока оставались теорией. До рассвета он представлял все возможные варианты боя, пытался предсказать действия противника, свой ответ на них. На стороне Владислава было численное превосходство, но и он, и сам Дракула командовали чужими войсками. Прежний князь возглавлял остатки венгерской армии, новый – турецкий отряд.

Испытывал ли Дракула страх перед первым в своей жизни сражением? Он не знал и сам. Его волнение и неопытность скрывались за чрезмерными расчетами, превращавшими грядущий бой в запутанную шахматную партию.

И вот, наконец, пришло холодное серенькое утро решающего сражения. Влад вскочил в седло, бодро отдал последние перед битвой распоряжения. Молодому воеводе хотелось держаться уверенно, но мысль о том, что он в сравнении со своими людьми желторотый юнец, не проливший еще ни одной капли крови, смущала его. Может быть, потому Влад слишком рьяно рвался вперед, демонстрируя свое бесстрашие, теряя всю картину боя в целом, а может быть, потому, что действовал в строгом соответствии с канонами военного искусства, очень скоро он понял, что сражение проиграно. Если бы Дракула напал на противника несколькими часами раньше, среди ночи, воспользовавшись темнотой и неразберихой, он, возможно, нанес бы ему серьезный урон. Но история не знает сослагательного наклонения, в то серенькое утро случилось то, что должно было случиться, и Дракула с остатками отряда оставил поле боя, бежав из окрестностей столицы.

Этот провал послужил хорошим уроком. Сын Дракона понял, что всегда должен нападать первым и действовать неожиданно. Говорят, будто человек навсегда запоминает первого, кто был убит им, и это событие во многом меняет отношение к жизни и смерти. Но Дракула так и не обратил внимания, кто первым пал от его руки, чьей кровью он впервые обагрил свой меч. Бой был коротким и яростным, а потом последовало бегство, во время которого некогда было думать о вечном и приходилось заботиться только о спасении собственной жизни. Это избавляло от бесплодных раздумий.

Путь изгнанника лежал в Турцию. И хотя проигравшим редко оказывали снисхождение, Влад все же вернулся в Адрианополь. Султан Мурад II был разгневан, однако не отдал распоряжения о немедленном аресте не оправдавшего его чаяний кандидата на валашский трон. Несколько дней прошли в полной неизвестности и тревоге. Бездействие было мучительно. Влад не мог сидеть на одном месте, вышел прогуляться по городу. Обычно многочисленные улицы были пустынными, – народ собрался на очередную казнь, проходившую на одной из площадей. Юноша задумчиво брел по какой-то грязной улочке, когда его едва не сбил с ног подбежавший сзади человек. Он был закутан в темный плащ и очень спешил – должно быть, на казнь, боясь пропустить самую зрелищную часть действия. Влад оттолкнул в сторону не пожелавшего даже извиниться незнакомца, но тот вцепился ему в плечо холемными, украшенными драгоценностями пальцами.

– Осторожно, Влад, за нами могут следить.

Это был Раду! Его появление оказалось таким неожиданным, но радостным. Лежавшая между ними пропасть исчезла – братья снова, как в детстве, действовали заодно. Влад и Раду долго плутали по запутанным переулкам Адрианополя, пока, наконец, не убедились, что за ними нет слежки.

– Тебя хотят бросить в тюрьму, – торопливо заговорил Раду.

– Это все Мехмед. Его отец был склонен простить тебя, но Мехмед настоял на своем. Он говорит: «Мы вырастили опасного врага империи. Мы дали ему знания, он знает, как мы ведем войну, секреты нашего военного искусства, но мы не сломили его волю, только внушили ненависть. Такому человеку нельзя оставлять жизнь. Ошибкой было доверять ему, но эту ошибку еще не поздно исправить». А еще... – нежные щеки Раду залились краской. – Еще Мехмед любит меня и хочет расчистить мне дорогу к власти. Он тоже говорил это Мураду. Я подслушал их разговор... Султан согласился с Мехмедом, сказал, что бросит тебя в темницу. Но Мехмед добьется своего и непременно тебя убьет. Ни в коем случае не возвращайся во дворец! Ты не выйдешь оттуда живым. Уезжай немедленно, не задерживайся, пока не поздно!

– Спасибо, брат.

Влад хотел обнять брата, но он выскользнул из рук золотой рыбкой. И увернувшись от объятий, начал поспешно снимать свои кольца:

– Больше у меня ничего нет, только это. Возьми, Влад, тебе нужны деньги. Нет, только ничего не говори! Возьми и беги. Теперь я больше ничего тебе не должен. Слышишь, Влад, теперь я свободен? Моя совесть чиста? Ты отпускаешь меня? Отпускаешь?

– Да.

Кольца жгли ладонь, как раскаленные уголья. Дракула смотрел на этого мальчика, которого жизнь сделала взрослым не по годам, и понимал, что сейчас, в один миг обрел и навсегда потерял брата.

– Прощай, Раду.

– Прощай, Влад, – со слезами в голосе выкрикнул он и побежал по грязному переулку.

Венгрия, королевский дворец в Буде

Свет в библиотеке горел допоздна. Король часто засиживался над фолиантами почти до рассвета, и в это время никто не смел беспокоить его. Так должна была пройти и эта ночь. Молодой монарх бережно достал с полки свое главное «сокровище» – стопку документов, посвященных разоблачениям и казням закоренелых грешников. Положив ладонь на листы бумаги, Матьяш медлил, представляя, что именно ему предстоит увидеть. Сердце забилося громче, дыхание стало прерывистым. Предвкушение наслаждения было даже более волнующим и приятным состоянием души, нежели созерцание самих гравюр. Время остановилось, реальность отступила, давая простор порочным, извращенным фантазиям...

Матьяша Корвина с юных лет возбуждала чужая боль. Даже в детских своих забавах он находил место для насилия. Матьяш любил отрывать ноги насекомым и долго, часами наблюдать за тем, как они вертятся на одном месте, представляя, какие страдания испытывают эти крошечные существа, изнемогавшие от боли и бессилия. Насекомых сменяли мелкие зверушки. Элизабет не возражала против такого времяпровождения сына. Болезненный хилый ребенок, с трудом входивший в жизнь, требовал огромной заботы, и если «возня с птичками» делала выражение его глаз осмысленным, то стоило во всем потакать малышу. Маленький Матьяш особую забаву находил в выщипывании перьев птиц, коих специально ловили для сына трансильванского воеводы. Мальчик медленно, перышко за перышком, ощипывал живых воробьев и потом радостно хихикал, наблюдая за тем, как голые птицы машут общипанными крыльями, пытаясь взлететь. А иногда Матьяш играл в «гуситские войны», наслушавшись рассказов отца, закапывал живьем, насаживал на палочки несчастных зверушек, с интересом созерцая агонию. Но маленькие животные умирали слишком быстро, а мальчику хотелось продлить удовольствие. Все закончилось на котенке, который, яростно защищая свою жизнь, исцарапал малолетнего мучителя. Когда Матьяш понял, что и сам может оказаться пострадавшим, ему как-то сразу расхотелось возиться с живностью, и он больше времени стал посвящать фантазиям. Они не находили воплощения в действительности, но зато и сами жертвы были уже не безобидными птичками. В своем воображении Матьяш делал объектами мучений людей, особенно ему нравилось представлять, как терзают молодых красивых женщин.

Ощувив сильное возбуждение, король, наконец, достал первую из лежавших в стопке гравюр. Это была нравоучительная картинка, доходчиво изображавшая, что ждет грешников в адском пекле. Тела людей и демонов заполняли все пространство рисунка. Закованные в цепи, обнаженные узники распластались на деревянных помостах, а рогатые слуги дьявола пронзали их раскаленными прутьями. Некоторых грешников пронзали через грудь, но большинство были проткнуты через низ живота. Вниманием Матьяша завладела опутанная толстыми цепями пышногрудая, длинноволосая женщина. Два демона тянули в разные сто-

роны ее закованные в кандалы лодыжки, а третий вонзал раскаленный прут между ее ног. Металл медленно входил в нежную плоть, принося невероятные страдания. Должно быть, она кричала – отчаянно, не своим голосом, пыталась вырваться из рук мучителей, а прут все глубже вонзался в это грешное, порочное тело, сосуд зла, мерзость, которую можно было очистить только огнем.

Но это была всего лишь гравюра, простая черно-белая гравюра, обретавшая черты реальности только благодаря силе воображения. Муки ада были однообразны и ничем не отличались от того, что можно было увидеть в обычной пыточной камере. А Матьяшу хотелось чего-то нового, большего, способного удовлетворить его распалившееся воображение. Рука сама потянулась к бумаге и начала набрасывать на листке контуры женской фигуры. Увы, король был плохим художником, он не мог передать на бумаге то, что видел мысленным взором, но вновь и вновь рисовал полукружья женской груди, пронзенной длинными толстыми иглами. Матьяш представлял, как некто (конечно же, не он сам, а тот, второй, в кого он превращался, наказывая грешницу) впивался зубами в упругую горячую плоть, разрывая ее на части. Кровь текла по нежной коже женщины, ведьма трепетала, пытаясь вырваться из стягивавших ее пут, а он снова и снова терзал ее грудь, с наслаждением пожирая порочное тело.

Забывшись и утратив представление о времени, король придумывал новые изощренные пытки, а перо лихорадочно металось по бумаге, фиксируя все, что было рождено нездоровым воображением. Матьяш уже не рисовал, а писал – это была его стихия, его конек, ведь будущий король с детства демонстрировал отличные литературные способности, легко излагая свои мысли в письменной форме.

Исписанный и разрисованный непристойными рисунками лист лежал перед монархом. Если бы Матьяш мог сохранить его, чтобы потом перечитывать вновь, возвращаясь к тем мгновениям острого наслаждения, которые он пережил! Но это было невозможно. Матушка сильно бы разозлилась, попади эти записки в ее руки, а Матьяш по-прежнему, как маленький ребенок, боялся ее гнева. Обычно Элизабет позволяла своему любимому мальчику любые прихоти, но некоторые его увлечения тревожили заботливую матушку, поскольку способствовали распространению дурной молвы, а для репутации Матьяша, которого недолюбливали в Европе, это было недопустимо. Подумав о матери, раздосадованный король скомкал свои произведения и бросил в огонь. Который уж раз за последнее время! Положив на место гравюры, он быстрым шагом покинул библиотеку.

Матьяш направился в покои супруги. Полные ужаса и мольбы глаза Екатерины вновь напомнили ему глаза той красивой грешницы, которую мучили в адском пекле. Это было словно наваждение, – почему-то все изображенные на гравюрах шлюхи дьявола незаметно превращались в воображении Матьяша в одну и ту же женщину, ту самую женщину, что почтительно называли королевой Венгрии. «Наверное, это любовь», – с иронией подумал король и улыбнулся, довольный своей шуткой. Окинув взглядом комнату, он заметил трость, отнюдь неслучайно находившуюся в опочивальне. Подбросив длинный предмет на ладони, Матьяш неторопливо двинулся к жене...

Венгрия, Буда

– Твой отец преступник! Вероломный заговорщик! Предатель!

– Нет!

– Как ты смеешь спорить со мной?! Ты ни в чем не нуждаешься только благодаря милости нашего короля! Ты сын заговорщика, государственного преступника, а тебя взяли на воспитание, заботятся о тебе. В твоих жилах – кровь твоего отца, ты такой же, как он!

– Да! И горжусь этим!

– Остановись!

Но сын Дракулы даже не обернулся, проигнорировав окрик наставника. Около полу-года мальчик жил в Буде, но так и не привык к этому городу, ненавидел здесь все. Может быть, такую жизнь можно было назвать сносной, – Влада кормили, одевали, учили наукам, но он все равно чувствовал себя пленником. Виною были два обстоятельства: во-первых, мальчик постоянно, едва ли ни каждый день слышал о том, как плох его отец, а, во-вторых, – наставник-францисканец настойчиво склонял его к перемене веры.

Даже то, что по возвращении назад его ожидало строгое наказание, не остановило мальчика. Выбежав из постылого жилища, которое у него язык не поворачивался назвать домом, Влад промчался по улицам Буды, направляясь к городским воротам. Там, за пределами города, на берегу Дуная, в укромном, заросшем камышом заливчике было тайное его убежище, где он скрывался тогда, когда жизнь становилась совсем невыносимой и не хотелось никого видеть. Устроившись на стволе склонившейся к самой воде ивы, мальчик долго смотрел на широкую спокойную воду величественной реки. Если бы он был рыбой, то мог бы нырнуть в этот поток и долго-долго плыть вперед, чтобы однажды вернуться на родину. Но Влад не хотел возвращения в Валахию. Наверное, даже если бы он имел такую возможность, то не воспользовался бы ею. Что он увидел бы там? Горный поток, ставший могилой его матери? Разрушенный дом, где он когда-то был по-детски беззаботно счастлив? Своего дядю, вероломно захватившего не принадлежавший ему трон? Дядю, который без тени сомнения убил бы и самого Влада, как возможного претендента на престол... Влад чувствовал, что у него больше нет родины, он утратил ее, как и своих родителей.

Сын Дракулы знал, что его все еще считают мальчиком, но он давно перестал ощущать себя ребенком. Наверное, с той самой ночи, когда погибла его мать и когда он покинул замок, понимая, что не должен плакать и оглядываться назад. Что бы ни твердили окружавшие его сейчас люди о его отце, Влад не сомневался, что они лгут. Он помнил своего отца, любил его, гордился тем, что ему посчастливилось быть сыном такого человека, как воевода Влад Дракула.

Влад рассеяно заплетал косами молодые ивовые побеги, смотрел в темную воду и представлял отца. Он видел его на коне, в сверкающих на солнце доспехах, он был как золотой рыцарь из легенды – герой, спустившийся с небес, чтобы сразиться с силами зла. От одного его взгляда полчища врагов в панике бежали с поля боя, и ему не было равных в том, как он держался в седле, как владел мечем и копьем. А с сыном грозный князь был совсем другим – не только отцом, но и другом, старшим товарищем, которому хотелось подражать во всем. У Дракулы было очень мало свободного времени, и, может быть, потому Влад особенно хорошо запомнил их встречи. Он помнил как отец помогал сделать из веточек лук и стрелять по мишени, учил держаться в седле, подбадривал, когда было трудно, как весело шутил, умея находить смешное в обыденном. А еще он всегда говорил, что Влад превыше всего должен чтить православную церковь, и что их страна сохранится только в том случае, если народ не отречется от веры своих отцов. Когда Влад немного подрос, Дракула стал брать его в поездки по валашским монастырям, и мальчику было приятно наблюдать, с каким почтением относятся седобородые священники к его отцу, слушать их беседы на богословские темы, в которых мальчик почти ничего не понимал, но все равно слушал очень внимательно, жадно ловя каждое слово, слетавшее с губ отца.

А ныне Влада окружали люди, клеветавшие на его отца и принуждавшие отречься от православной веры. И ему некуда было бежать, невозможно скрыться от них. Вот и теперь мальчик отлично понимал, что ему в любом случае, рано или поздно предстоит вернуться «домой». Если он задержится на берегу до закрытия городских ворот, ему придется остаться здесь на ночевку и на следующий день еще больше достанется от наставников. Приходилось повиноваться. Повиновение – вот главная наука, которой его обучали, но Влад знал,

что он поступит так же, как его отец. Когда тот находился в турецком плену, он был почти ровесником Влада, он тоже был совсем один, он тоже был покорным, но выстоял в главном, сохранив свою веру.

Решительно соскользнув с ветви ивы, мальчик заторопился в город. Он успел до закрытия ворот, но возвращаться к своему воспитателю не хотел, а потому продолжал бродить по грязным улочкам Буды. Он остановился у порога огромной католической церкви. Выросший в Валахии Влад не привык к грандиозным готическим постройкам, и они повергали его в трепет, внушая безотчетный страх, смешанный с любопытством. Он знал, что не должен входить в это огромное, представлявшееся темной пещерой здание, где запросто можно было заблудиться, но при этом отчаянно хотел заглянуть туда. Он не мог понять, почему и католики, и православные, верящие в одного и того же Бога, так ненавидели друг друга и считали врагами. Одно дело магометане, у них была другая вера, но почему не могли найти общий язык люди, исповедовавшие учение Христа, этого Влад понять не мог. Крамольная мысль о том, что, может быть, нет ничего страшного в перемене веры, вновь посетила мальчика и заставила с испугом озираться по сторонам, словно кто-то мог прочесть его мысли. Влад долго стоял у порога храма, а потом сделал шаг...

Холод... Здесь всегда гнезился холод, и его не могли изгнать огоньки едва теплившихся свечей. Шаги звучали гулко, пугающе, а стрельчатые своды скрывались в темноте. Собор был огромен, как вселенная – холодная чужая вселенная, в которой мог сгинуть маленький валахский мальчик, воспитанный в православной вере. Влад подошел к алтарю, опустился на колени. Он надеялся – Всевышний простит его за то, что он взывал к нему в чужом храме:

– Господи, помоги моему отцу, пожалуйста, помоги...

Он хотел просить и об упокоении души его мамы, но не посмел, понимая, что не вправе делать этого. Она покончила с собой, а значит, – проклята навеки, и ее душа не могла найти покоя. Это было страшно, чудовищно, несправедливо... Неужели она и сейчас ночами поднимается из вод Арджеша и бродит возле стен замка? Неужели это будет всегда, до Страшного суда?

Влад вспомнил, как видел ее в последний раз, совсем незадолго до гибели. Стены крепости сотрясались от пушечных выстрелов, обстрел шел целые сутки, но все держались так, словно ничего страшного не происходило. Мама торопливо готовила его в дорогу, им предстояло бегство из осажденного замка. Она собирала теплые вещи, говорила о том, чтобы он одевался теплее, ведь в горах было холодно, поплотнее обматывала его шею, но в глазах у нее было странное отрешенное выражение, которое Влад не видел никогда прежде. Он еще не знал, что мама сделала свой выбор. А потом она благословила его и торопливо ушла прочь, сказав, что ей надо поговорить с отцом. Влад и теперь чувствовал, как ее ладонь скользнула по его щеке, задержалась на мгновение, вспомнил, как мама проглотила подступивший к горлу комок и стремительно вышла из комнаты. А вскоре туда вошел отец с застывшим, неживым лицом и сообщил страшную весть...

Они вырвались из окружения, и Влад верил, что никогда не расстанется с отцом, но потом пришла ночь, когда он лишился и его. Отец позволил себя арестовать, ради него, Влада. Если бы он сделал иначе, он был бы сейчас жив и свободен. Но он предпочел принести себя в жертву ради сына. Влад знал, что будет помнить об этом всегда и не отречется от своего отца, что бы ни твердили о нем сладкоголосые францисканцы.

– Господи, помоги моему отцу, – шептал мальчик, всматриваясь в темноту, словно надеясь узреть во мраке божественный свет, – помоги, дай ему силы, укрепи его дух и спаси жизнь. Пусть он живет, Господи, пожалуйста! Помоги ему...

Австрия, Ламбахский монастырь

Плеть со свистом рассекала воздух, опускаясь на взмыленный круп скакуна. Гонец спешил, он должен был как можно скорее доставить документ по назначению. Но невозможно опередить бег солнца, и тяжелый медно-красный диск уже касался горизонта, хотя до конца пути было еще очень далеко. На землю опустились густые сумерки, однако всадник-гонец, похоже, не думал о ночлеге, он гнал измученного коня, торопясь исполнить королевскую волю.

Монастырь отходил ко сну. Закончилась вечерняя служба, монахи черными птицами разлетались по своим кельям. Безмолвная луна с заговорщическим видом поднималась из-за горы, озаряя ландшафт странным, неземным светом. В такую ночь могло случиться все, что угодно, и человек был бессилен перед происками сил тьмы. Поэтому, когда в ворота монастыря громко постучались, сердце брата-привратника сжалось от ужаса. Осенив чело крестом, он подошел к окованным железом воротам, дрогнувшей рукой отворил маленькое окошко, узрев озаренную пепельным светом фигуру. Кто это, посланник ада или сам дьявол, принявший обличье путника и пришедший в монастырь искушать бедных монахов? Лунный свет был достаточно ярок, но капюшон, накинутый на голову незнакомца, скрывал его черты, и растерявшийся монах видел вместо лица путника только черную дыру. Охвативший привратника ужас был так силен, что он позабыл о своих обязанностях, даже и не спросив, зачем в столь поздний час пожаловал незнакомец в их монастырь. Тогда прозвучал голос закутанного в просторный плащ человека:

– Открой немедленно, я тороплюсь, мне нужен брат Яков! – произнес он и просунул в окошко руку, на которой блеснуло кольцо-печатка.

Увидев перстень, монах начал торопливо возиться с засовами, отворяя ворота. Зловещие чары рассеялись, на пороге монастыря стоял не дьявол, а посланник венгерского короля. Человек, имевший такую печать, обладал огромной властью, и привратник гадал, что нужно было столь влиятельному господину от скромного брата Якова. Впрочем, и сам брат Яков был странным человеком, о котором мало что было известно в монастыре. Он жил затворником, много времени проводил в монастырской библиотеке, а еще больше – в посту и молитвах. Но, несмотря на его благочестие, про него ходили недобрые слухи. Поговаривали, что в свое время он проявил слишком большое усердие в дознании, еще до суда загубив под пытками нескольких ведьм, чем вызвал недовольство самого архиепископа Витеза. Говорили, что только связи при венгерском дворе помогли брату Якову избежать более сурового, нежели ссылка, наказания.

– Ты что, заснул, что ли?! Открывай!

Спохватившись, привратник отворил ворота, пуская внутрь одетого в черный плащ гонца. Их шаги гулко звучали под сводами монастыря, а тени металась по стенам, словно они не принадлежали людям, а были самостоятельными, лишенными плоти существами, порождениями ночи. Монах привел незнакомца к небольшой двери, из-за которой выбивалась полоска света.

– Он здесь.

– Свободен. Можешь идти.

Избавившийся от страхов и вновь обретший любопытство привратник замешкался, желая понять из обрывков разговора, что за гость пожаловал к брату Якову, но незнакомец медлил и лишь тогда постучал в дверь, когда назойливый монах неохотно удалился.

– Входите, не заперто, – донесся негромкий равнодушный голос.

– Вечер добрый, – незнакомец шагнул в келью.

– Вечер добрый, – эхом откликнулся сидевший над книгой человек.

Брат Яков поднялся из-за стола, направился к стоявшему в дверях человеку в плаще. Монах был невысок, невзрачен. В чертах его лица не было ничего примечательного, казалось, будто они покрыты тонкой серой пылью. Трудно было даже определить возраст этого человека – он не был ни молодым, ни старым – никаким, вот только его небольшие глаза привлекали внимание. Быстрый вороватый взгляд, постоянно ускользающий от собеседника, – недобрый и хитрый.

– Чем обязан столь позднему визиту?

Незнакомец резко откинул капюшон, наблюдая за тем, какой эффект это произведет. Никакого, – брат Яков только чуть улыбнулся, жестом предлагая сесть.

– Давно же я не видел тебя, господин Бакоц! Как обстоят дела в Буде? Как дела у нашего юного короля, как поживает господин Витез?

– Все нормально.

Бакоц недолюбливал этого скользкого хитрого человечка, несколько раз мешавшего его продвижению по службе. Состоявший в отдаленном родстве с семьей Силади брат Яков, несмотря на разделявшую их значительную разницу в возрасте, на протяжении довольно долгого времени считался едва ли не лучшим другом юного Матьяша. Мальчик привязался к своему старшему товарищу, с присущей детям любознательностью жадно ловил каждое слово, произнесенное эрудированным, начитанным монахом. Бог знает, что за интересы их связывали, но эти двое часами просиживали в библиотеке, обсуждая занимавшие обоих вопросы. Когда Матьяш стал королем, брат Яков начал стремительно подниматься по служебной лестнице, и если бы не конфликт с Яношем Витезом – бывшим гувернером Матьяша, а ныне архиепископом, канцлером и примасом¹⁸ Венгрии, мог бы сделать хорошую карьеру. Брат Яков полагал, что венгерское королевство явно отставало от таких цивилизованных европейских стран, как Франция, Италия, Швейцария или Германия, где уже не одно десятилетие в массовом порядке сжигали на кострах уличенных в связях с дьяволом ведьм. Упущение следовало срочно исправить. Ставший инквизитором монах с энтузиазмом взялся за дело, каленым железом вытягивая из своих жертв нужные показания. Сгубил карьеру брата Якова донос – кто-то из его коллег подробно описал методы, применявшиеся к подозреваемым в колдовстве женщинам, утверждая, что подобные способы дознания бросают тень на репутацию церкви. Приверженный гуманистическим идеалам Витез был не на шутку разгневан, и только заступничество Матьяша спасло любимца короля от серьезных неприятностей. Скандал удалось замять, а брата Якова сослали в отдаленный монастырь, где он должен был находиться до тех пор, пока не улягутся страсти и не забудется некрасивая история с его участием. И вот теперь, похоже, настало время отдавать долги. Монах понял это, как только увидел покрытого дорожной пылью Томаша Бакоца.

– Что желает от меня наш король?

Посланник его величества достал бумаги, протянул монаху:

– Здесь изложена суть дела, но для того, чтобы послание выглядело убедительно, его надо дополнить фактами. В текст следует добавить как можно больше цифр, географических названий – они придадут документу убедительность.

– А что это?

– Биография. Рассказ о деяниях одного из преступников, доказательство его вины.

– Вот как? – сухие жесткие пальцы монаха сжали лист, узнав знакомый почерк, он улыбнулся. – И кто же составил сей документ?

– Не имеет значения. Будем считать, что это писал очевидец зверств, сам пострадавший от бесчинств князя. Например, монах из разграбленного им монастыря.

¹⁸ Примас – в католической и англиканской церквях почетный титул главнейших епископов.

Брат Яков бегло пробежал глазами начало повествования. Юный друг монаха, обожавший выдумывать сказки, на этот раз дал волю своему воображению. Написано было ярко, и все же, – здесь Бакоц оказался прав, – рассказу не хватало документальности. Это был скорее сборник хорошо знакомых любому образованному человеку анекдотов, перемежавшихся с подробными описаниями различных пыток и казней. Чувствовалось, что автор «биографии одного из преступников» слишком много времени проводил за книгами и не утруждал себя поисками документальных фактов.

– Работа требует много времени.

– Мы должны торопиться. Чем быстрее документ будет обнародован, тем быстрее воцарится спокойствие.

– Да. Скандал докатился и до стен нашей обители. А прежде – до наших ушей долетали только восторги, вызванные победами этого героя. Немало придется потрудиться, чтобы изменить укоренившееся мнение. И еще: я ничего не знаю о жизни этого человека, а для того, чтобы рассказ вышел убедительным, нужны не только эти милые истории, но и факты.

– Я расскажу о нем, что знаю.

– Отлично.

– Брат Яков, – чиновник тайной канцелярии подошел к своему собеседнику, положил руку на плечо, – рассказ о годах правления злодея будет отправлен в Ватикан, потому к работе следует отнестись с величайшей ответственностью. Я думаю, что его святейшество больше всего будет возмущен надругательством над церковью, поэтому, прежде всего надо рассказать о том, как князь уничтожал монахов, грабил монастыри...

– Да...

– Но не только! Следует подчеркнуть, какие величайшие страдания выпали на долю трансильванских саксонцев. Его преосвященство дружит с германским императором, поэтому такой факт особенно возмутит его.

– Да. Добавим.

– А для большего эффекта – убийства младенцев. И огромное количество жертв, в наше время никого нельзя изумить отдельным убийством. Здесь нужна массовость, – реки, моря крови...

– Я уже понял, господин Бакоц, какой именно документ хочет получить твоя милость.

– Тогда немедленно приступим к работе. Я должен лично и как можно скорее вернуть оригинал текста отправителю, а до того не расставаться с бумагами ни на минуту. Это приказ. Кроме нас этот документ видело только лицо, написавшее его. Как только работа будет завершена, я сразу вернусь в Буду.

– Твоя воля, господин Бакоц. Устраивайся поудобней. У нас, монахов, строгий быт, но кружка доброго вина из монастырских запасов найдется всегда. Итак, начнем с первого года правления этого изверга.

– Можно чуть раньше, например, с того, как... – чиновник замялся. Ему не хотелось называть имена. – Начнем с того, как старый правитель убил отца злодея, а сам князь расправился со своим предшественником на троне. Они с братом только что вернулись из Турции, где жили долгие годы и приняли ислам... Или нет... Кажется, младший брат остался у османов, а наш герой веры не менял, хотя с другой стороны, мало кто может устоять против того давления, что оказывают турки...

– Какая разница? Его святейшество не будет вникать в такие подробности, а я уже начал писать, не портить же из-за этого лист? К тому же, это показательный факт, если сказать, что наш герой в свое время был магометанином, тогда легче представить, что он имел тайные переговоры с султаном. И еще – я думаю, следует несколько исказить названия населенных пунктов. Опять же, такие пустяки не разглядеть из Рима, а так можно избежать ненужных вопросов.

– Из тебя получился бы отличный политик, брат Яков.

– Я благодарен Господу за то место, что он мне уготовил. Человек должен, прежде всего, заботиться о спасении собственной души, а где это еще сделаешь, как ни в монастыре? Итак, берем за основу сей документ, твоя милость рассказывает мне все, что знает о жизни князя, а я вношу в повествование местный колорит и правдоподобие. Думаю, мы прекрасно сработаемся. Кстати, у истории нет финала. По-моему необходимо дополнить ее рассказом о пленении злодея и последовавшим за тем справедливым возмездии.

– А вот здесь ты ошибаешься, мой друг. Не забывай, этот документ и послужил причиной гнева короля. Прочтя его в конце осени прошлого года, он принял решение об аресте вероломного, свирепого, кровожадного злодея. Точку в этом повествовании ставить не нам, все еще впереди...

– Из тебя получился отличный политик, господин Бакоц.

Брат Яков склонился над текстом. Его мало интересовали особенности художественного стиля автора, чье имя он прекрасно знал, но так и не произнес вслух. Поэтому монах зачастую игнорировал сложные сюжетные линии рассказов, выделяя из них основную идею – запредельную жестокость валашского князя. Неважно, что обвинения звучали нелепо, хорошо разбиравшийся в искусстве написания доносов брат Яков знал, что главное в такого рода произведениях – это напористость, уверенность и безапелляционность. Чем страшнее будут обвинения, чем чудовищнее масштабы жертв, тем лучше будет результат. Пусть доносу не поверят наполовину, но и второй половины хватит с лихвой, чтобы опорочить человека.

«В 1456 году начал Дракула творить дурные дела...» – начал быстро выводить на бумаге брат Яков...

Венгрия, королевский дворец в Буде

– Арестовав Дракулу за измену, я даже не подозревал о других злодеяниях князя. Оказывается, едва ли ни с первого года после вступления на престол он регулярно совершал рейды в Трансильванию и творил там чудовищные зверства! Им были замучены десятки тысяч ни в чем не повинных людей – женщин, детей, мирных ремесленников, купцов.

Модрусса с почтительным вниманием слушал рассказ молодого короля. Легат был опытным дипломатом, а потому ничем не выдавал своего скептицизма. А поводов для него имелось предостаточно. Еще недавно Дракулу называли опасным заговорщиком, задумавшим отдать Венгрию под власть Мехмеда Завоевателя, как вдруг совершенно неожиданно выяснилось, что подлинной причиной ареста князя стала не его переписка с султаном, которую так и не удалось убедительно доказать, а прежние преступления на территории Трансильвании. По словам Матьяша, о злодеяниях вассала ему стало известно совсем недавно из некоего анонимного письма, коим он постоянно размахивал перед носом Модруссы. Однако легат отлично знал, что до своего воцарения сам Матьяш жил в Трансильвании как раз в те годы, когда творились «невиданные зверства» Дракулы и, естественно, был в курсе всего происходившего там.

– Ах, господин Модрусса, язык не поворачивается говорить о чудовищных преступлениях «сына Дьявола», – да, да, именно так переводится его прозвище, – однако это мой долг, я обязан донести всю правду его преосвященству папе Пию II. Некоторых из своих врагов Дракула бросал под колеса телег или рубил на куски, но это было самым легким способом умереть. Представить страшно, сколь извращенные пытки выдумывал этот человек! При чем делал он все это от скуки, ради собственного удовольствия! Вначале изверг распоряжался снять с жертвы ее платье, раздеть догола, затем содрать кожу, затем, когда страдания становились невыносимыми, он приказывал сдирать с человека плоть, «раздевая» до внут-

ренностей. Он сыпал соль на свежие раны, он варил людей в котлах и жарил на медленном огне, он душил детей, женщин и мужчин собственными руками, он забивал гвозди в глаза и уши, но больше всего он любил сажать на кол! Если провести эту процедуру с особым искусством, используя затупленный кол, который не может серьезно повредить внутренние органы, обильно смазать его жиром и осторожно ввести в тело через ягодицы... – Матьяш потупился и залился краской. – Я понимаю, что твоей милости, господин легат будет нелегко докладывать о таких гнусных подробностях его святейшеству, но я настаиваю на том, чтобы ты сообщил ему чистейшую правду, какой бы страшной она ни была!

– Я передам все в точности, твое величество.

– На чем я остановился? – Матьяш попытается скрыть охватившее его возбуждение, начал стремительно прохаживаться по комнате. – Итак, когда подготовленный надлежащим образом кол вводится в тело жертвы, казненный может находиться в таком положении до четырех суток, прежде чем смерть заберет его. Невозможно даже помыслить, какие страдания испытывает несчастный! Кстати, любимым занятием Дракулы было восседать среди посаженных на кол и обедать с друзьями, наблюдая за конвульсиями казненных. Еще он наблюдал за тем, как его жертвы едят человеческую плоть. О, да! Именно так! Он заставлял женщин есть своих младенцев, затем отрезал им груди и давал на съедение эти груди мужьям несчастных. Однажды он убил старейшину одной деревни, скормил его голову ракам, затем накормил этими раками родственников старейшины и затем посадил их на кол...

Модруссу подташнивало. Перечисление однообразных зверств, сводившихся в основном к расчленению, отрезанию половых органов и насаживанию на кол, вначале просто утомило, а затем, когда речь зашла о каннибализме, окончательно испортило аппетит. Он понимал, что, вряд ли сможет сегодня поужинать. Но больше всего посланника занимало возбуждение короля, дошедшее до крайности.

– «Сын Дьявола» грабил церкви, убивал священников, однажды он приказал насадить на кол странствующего монаха вместе с его ослом. В одном из трансильванских городов он посадил на кол тридцать тысяч человек, в другом – двадцать...

– Ваше величество, я не ослышался? Тридцать тысяч?

– Именно. Здесь все написано, – Матьяш почти швырнул донос остолбеневшему от таких цифр легату. – Ознакомься и передай это его преосвященству. Здесь подробно рассказывается обо всем периоде правления князя, о его зверствах. Во времена Дракулы Валахия напоминала лес из посаженных на кол. Изверг превзошел в жестокости даже таких тиранов древности, как Ирод, Нерон или Диоклетиан!

Модрусса с поклоном принял текст. От жары папского посланника мутило, и он хотел, чтобы мучительная аудиенция закончилась как можно скорее. Матьяш тоже изнемогал от переполнявших его чувств.

– Все, все дословно должно быть передано папе! Думаю, теперь его преосвященство получит достаточно доказательств виновности Дракулы. Даже если письмо к султану не кажется некоторым достаточно убедительным подтверждением преступной сущности злодея, сей документ полностью оправдывает мои решительные действия по отношению к этому чудовищу! Думаю, теперь меня, наконец, перестанут донимать этими нелепыми вопросами о том, почему я арестовал Дракулу. Мне должны быть благодарны за то, что я избавил мир от такого злодея!

– И когда состоится суд?

– Суд?! – Матьяш побагровел, и глаза его готовы были вылезти из орбит. – Какой суд, если его вина и так полностью доказана! Это пустая трата времени!

Модрусса не стал возражать. Пожалуй, от жары, от витавшего в воздухе безумия он и так сказал лишнее, утратив осторожность. Вопрос о суде мог обойтись легату очень

дорого. О каком торжестве правосудия могла идти речь, когда все было предreshено с самого начала?!

Венгрия, темница в Буде

Винтовая лестница, оканчивавшаяся длинным коридором, позволяла королю тайно, не привлекая ничьего внимания, спускаться в подвалы дворца. Этот скрытый от посторонних глаз секретный ход вел в небольшую комнатку, соседствовавшую с пыточной камерой. Маленькая комната была обставлена с обычной для венгерского двора роскошью – ноги утопали в мягком ковре, у стены возвышалось удобное кресло, подле него стоял столик, на котором всегда, вне зависимости от времени года, находились заморские фрукты и вино. Матьяш, по чьему приказу и была устроена тайная комната, почти никогда не притрагивался к фруктам, – слишком его увлекало зрелище, разворачивавшееся перед глазами, но всегда настаивал, чтобы ритуал соблюдался полностью. Однако главным достоинством этого уютного уголка являлось, конечно же, маленькое окошко, сквозь которое можно было отлично видеть то, что происходило в пыточной камере, оставаясь при этом невидимым для находившихся там людей. Король слыл гуманистом, и потому лицемерно скрывал свои подлинные наклонности.

Помещение, где допрашивали подозреваемых, представляло собой небольшую, но достаточно высокую комнату со сводчатым, дочерна закопченным потолком. Ее освещали несколько укрепленных на стенах факелов и жаровня с красными углями – приспособление, незаменимое для выбивания «чистосердечных» признаний. Почетное место занимала лестница, дыба и различные инструменты, разобраться в назначении которых могли только работавшие здесь профессионалы, да, пожалуй, король Матьяш, отлично изучивший приемы, применявшиеся во время допросов с пристрастием. В этот поздний час пыточная камера не пустовала – палач Ганс и его отличавшийся большой физической силой помощник, перебирали ржавые от крови клещи и другие инструменты, готовясь к изнурительной работе. В глубине помещения сидел склонившийся над листами бумаги Бакоц, – несмотря на то, что разбирательство было практически завершено, он все еще надеялся вырвать у пленника необходимое признание.

Войдя в тайную комнату и убедившись, что спелые, словно сделанные из воска плоды лежат на золотом подносе, Матьяш опустился в кресло и устроился поудобнее, чтобы не пропустить ничего из того, что разворачивалось в пыточной камере. Представление началось... Теперь, когда обвинение было сфабриковано и доведено до сведения папы, только чудо могло спасти узника. Никто больше не станет настаивать на новом разбирательстве, а значит, с преступником можно было делать все, что угодно. Но не убить... Всегда следовало оставлять путь к отступлению – взгляды папы могли поменяться, а убийство без суда человека, принадлежавшего к княжескому роду, было деянием, на которое не имел права даже король. Суд мог бы приговорить узника к казни за государственную измену, но Матьяш прекрасно понимал, что у него не было убедительных доказательств вины Дракулы, а потому не рискнул устраивать судебный процесс. Влада Дракулу ждала не смерть, а пожизненное заключение. Но исполненному черной завистью королю этого показалось недостаточно, и он решил «подшутить» над своим пленником. Красавчик Дракула, одного взгляда которого было достаточно, чтобы зародить желание в сердце самой неприступной красавицы, человек, о котором говорили, что он счастливо соединил в себе все физические и духовные достоинства, теперь находился в руках палачей – беспомощный, жалкий, превратившийся в жертву. Вспоминая лицо князя, Матьяш вначале собирался выколоть его большие, прекрасные глаза, но потом решил, что это слишком пошло. Ослепление было банально и широко распространено, а юному королю хотелось чего-то оригинального. Вскоре венгер-

ского монарха посетила недурная идея... Матьяшу нельзя было отказать в изобретательности, и теперь он пришел тайно пронаблюдать за исполнением своей «шутки».

В камеру втокнули полуобнаженного человека со следами пыток на теле. Он не пытался сопротивляться, спокойно и прямо глядя в уже ставшее знакомым лицо Ганса. Кажется, узник даже произнес что-то, приветствуя своего палача, но Матьяш не расслышал слов. Король ожидал увидеть своего пленника сломленным, однако князь держался так, словно шел на привычную работу. Спелый персик под пальцами Матьяша лопнул, превратившись в прохладный кисель.

– Ты запомнишь этот день на всю оставшуюся жизнь, воевода, – проскрежетал зубами король. – Вряд ли ты еще улыбнешься.

Подручный Ганса привязал узника к наклонно стоявшей у стены лестнице, туго натянул захлестнувшие ноги веревки, лишив возможности шевелиться. Матьяш даже привстал со своего места, всматриваясь в лицо князя и пытаясь прочесть на нем испуг. Но Дракула казался невозмутимым. Он действительно привык к мучениям, научился словно бы не замечать их. А к лестнице уже подходил Ганс с клещами в руках...

У человека, привязанного к лестнице, были прекрасные белые зубы, и палач только усмехнулся, представив, что останется от них после его работы. Чуть помедлив, Ганс ухватил клещами один из верхних зубов. Тело узника напряглось, но он не издал даже стоны, когда с отвратительным хрустом был извлечен первый зуб.

– Ничего, дальше будет еще хуже, – заверил палач. – Это только начало.

Кровь струилась по бороде и длинным спутанным волосам Влада, палач, не торопясь, со знанием дела продолжал выдергивать зубы, уродуя челюсть, но своды пыточной камеры не оглашали крики и стоны. Ганс не был удивлен – он уже довольно давно работал с этим клиентом и понял, что боль не может заставить развязать ему язык. Впрочем, палач не сомневался, что если бы ему было позволено раздробить кости и суставы этому упрямцу, он бы, наконец, услышал крики боли, однако существовал устный приказ не слишком сильно калечить узника. Следы пыток должна была скрывать одежда, и неожиданное распоряжение лишить пленника зубов удивило Ганса. Теперь палач надеялся, что скоро ему представится возможность в полной мере продемонстрировать свое мастерство.

Матьяш, предвкушавший незабываемое зрелище, был разочарован. Жертвы должны были вертеться, визжать, вырываться, молить о пощаде, – это возбуждало, а сейчас Матьяшу казалось, что палач трудился над бесчувственным трупом. Предположение о том, что Дракула просто не ощущает боли, до глубины души расстроило и возмутило Матьяша. Он чувствовал себя обиженным, словно его лишили любимой игрушки. Не выдержав, король вскочил, несколько раз прошелся по тесной комнатухе, меряя ее шагами, а потом, забыв о том, что присутствует здесь тайно и должен сохранять инкогнито, вбежал в пыточную камеру.

– Почему он молчит?! Ты даром ешь мой хлеб! – наградил он пощечиной остолбеневшего от такой встречи палача. – Он должен кричать!

– Он никогда не делает этого, ваше величество! – Ганс наконец-то склонился в глубоком поклоне.

– И это говорит палач?!

Матьяш осторожно, с трепетом приблизился к растянутому на лестнице человеку. Король испытывал возбуждение и страх, боялся и в то же время хотел увидеть всю картину в мельчайших подробностях. В детстве Матьяш распарывал животы новорожденным мышатам, которыми его заботливо снабжал брат Яков, с содроганием и любопытством наблюдая за тем, как эти твари медленно умирают в мучениях. То же чувство сейчас многократно усилилось, дошло до высшей стадии. Матьяш заглянул в изуродованное окровавленное лицо и неожиданно отпрянул, встретившись взглядом с глазами Влада. Князь со жгучей ненавистью

смотрел в лицо своего мучителя. В его взгляде были вызов и презрение. Ярость, заглушившая боль. Не отличавшийся храбростью Матьяш отступил назад, скосив глаза на веревки, удерживавшие пленника, – кажется, они были надежны.

– А если он просто не чувствует боли?

– Он чувствует все, ваше величество. Прикажете продолжать?

– Да.

Экзекуция продолжалась, но уже не занимала Матьяша. Он понимал, что так и не сумел сломить волю этого человека. Усевшись на стуле, принесенном Бакоцом, король рассеяно наблюдал за пыткой, думая о чем-то своем.

– Твое величество, – отвлек его голос Томаша Бакоца, – палач утверждает, что преступник больше не выдержит. От боли тоже можно умереть, и еще – он потерял много крови. Прикажешь заканчивать или продолжать?

Поднявшись со своего места, Матьяш снова заглянул в лицо узника, – теперь его глаза потускнели, стали бессмысленными. Дракула действительно находился на грани жизни и смерти, и слова, произнесенные королем, стали бы для него приговором. Король молчал. Он хотел уничтожить валашского князя, но не решался сделать этого. А раз так... Что если Дракула действительно умрет под пытками? Матушка была бы очень недовольна этим. Матьяш почувствовал прилив слабости, неожиданно ему стало страшно... Вдруг мертвый Дракула придет к нему ночью, швырнет на залитую кровью лестницу и начнет мучить, терзать, раскаленными крючьями рвать на части? Что если совсем недавно умершая Екатерина, которую король все же загубил своими забавами, поднимется из гроба, спросит со своего супруга за всю ту боль, что он ей причинил?

– Довольно. Ему с этим жить. Это хуже, чем умереть сразу.

Матьяш едва держался на ногах. Нетвердой походкой он двинулся к выходу. Королю казалось, что Дракула пристально смотрит ему в затылок. Это было не так, узник не подавал признаков жизни, но король не смог избавиться от навязчивого ощущения.

Венгрия, темница в Буде

Он не умер под пытками, он продолжал бороться за жизнь и теперь, когда палач закончил свою работу, оставив его наедине с болью и темнотой. Тело пожирал струившийся по жилам огонь, мысли путались, но Влад с фанатичным упорством пытался контролировать их поток, веря, что только находясь в сознании, сумеет выжить. «Боль можно отодвинуть в сторону, чтобы она жила сама по себе, не тревожила меня. Человеческий разум может все, для него нет преград. До сих пор мне удавалось побеждать, а значит, я должен, обязан справиться и в этот раз. Я сильнее их, я должен выстоять, они никогда не услышат моих стонов... – мысленно твердил узник, заставляя себя двигаться. – Мне надо подняться, встать на ноги, надо... Надо!» Но внушение не помогало, и он по-прежнему лежал ничком, чувствуя, будто сверху на него навалили целую грудку камней. Руки дрожали и не хотели слушаться. Во рту был вкус крови. Палач заткнул его какой-то тряпкой, стремясь остановить кровотечение, и это порадовало Влада. Он думал о том, что Ганс не хотел его смерти, равно как и он сам не желал ее, они были едины в своем стремлении, но преследовали разные цели, противоречащие друг другу... Мысли ускользали и путались, Дракула проваливался с головой в красный туман, а когда выскальзывал на его поверхность, пытался зацепиться за реальность, остаться в этой жизни. «Выкарабкаться, вернуться, ведь это только боль, ее можно преодолеть, не думать о ней. Надо зацепиться за что-то хорошее, удержать это, выплыть... – лежавший на полу человек снова попытался подняться. – Нельзя лежать, уткнувшись лицом в пропитанную кровью солому, мне, Владу Воеводе, сыну великого князя Влада, мне, Божьей милостью князю Валахии! Нельзя! Я все равно поднимусь, преодолею слабость и боль, я дойду до

Константинополя и подниму поверженный неверными крест. Я, Влад Воевода, милостью Божьей господин Валахии... В бой! Надо идти в бой...»

Красный туман затягивал в небытие, но Дракула знал, что не сдастся и победит, победит, потому что в его жизни было много счастья! Память о счастливых днях вытянет его из бездны, возродит, выведет из лабиринта смерти. Князь вспоминал Лидию, – ее взгляд, прикосновения ее рук. Она любила его так, как никто не мог любить, каждый миг, проведенный с ней, был мигом счастья. Красный туман затягивал в смерть, но Влад представлял глаза Лидии, и она возвращала его в мир живых.

В камере кто-то был. Кто-то посторонний. Узник не мог говорить, не мог спросить кто это, и все же сумел повернуться, приподнять голову. В дальнем углу стояла женщина, ее белое платье словно светилось, выступая из тьмы. Это была Лидия. Она не оставила своего возлюбленного, пришла, понимая, что ему необходима ее помощь, что только она может исцелить его раны. Одно прикосновение ее шелковистой ладони, и боль сгинет, растает. Влад не мог позвать ее, но Лидия сама шла, точнее, плыла навстречу. Ее лицо было белым, как снег, а под глазами лежали смертные тени:

– Ты никогда не любил меня, Влад. Ты предал меня. Помнишь, ты говорил сладкие слова, называл меня своей княгиней? Я родила тебе сына, я отдала тебе свою жизнь, князь. Почему ты оставил меня?

Влад не сумел объяснить раньше, почему так поступил с ней, так что же он мог сделать теперь – жалкий калека, лишенный дара речи? Только протянуть руку, взывая о милосердии... Но Лидия была неумолима, ее слова звучали как приговор, ее суд был божественным судом:

– У тебя только одна любовь в жизни, Влад. Имя ей – власть. Все помыслы твои, все желания сосредоточены только на ней. Ты предал меня ради власти. Дважды предал. Первый раз, когда назвал наш брак невозможным из-за политических интересов, а второй, – когда подтолкнул к гибели.

Она подходила все ближе, а ее ангельской красоты лицо менялось с каждым мигом, кожа надувалась и лопалась, глаза вылезали из орбит. Мутные рыбы глаза утопленницы... Ее длинные волосы переплелись с водорослями, с подвенечного платья стекала вода. Мокрые следы тянулись через всю камеру, а сама она стояла в луже.

– Я любила тебя, любила до гроба, – она расхохоталась, и ее смех раскаленными иголками пронзил голову. – Да, только, Влад, у меня нет гроба! Правда, смешно? Моя могила – Арджеш. Быстрый, веселый Арджеш, который сбегает с гор. Он звенит как мой смех. Он сверкает как мои глаза. Это ты подарил мне такую чудесную могилу! Вот настоящий княжеский подарок. Вот что подарил мне мой невенчанный супруг – Влад Воевода! Мне никогда не будет покоя! Никогда!

Гнилая плоть тяжело спадала с костей, полуразложившийся труп стремительно утрачивал сходство с Лидией. Но Дракула все равно не хотел терять ее. Пусть возлюбленная обвиняла его, пусть ненавидела, но рядом с ней становилось легче, боль отпускала измученное тело. Влад любил ее, хотел сказать ей об этом, но не мог. Все годы совместной жизни он так ни разу не произнес слов «я тебя люблю», словно стеснялся их. Даже в ту ночь, когда соблазнил любимую девушку, которую любил больше жизни, они так и не сорвались с его губ. И все же еще можно было исправить эту ошибку! Влад должен был сказать Лидии то, что не успел прежде. Но во всем была виновата окровавленная тряпка, которой ему заткнули рот. Дракула вырвал ее отчаянным усилием и, захлебываясь кровью, хотел сказать заветные слова, дарующие спасение и покой. Но слов не получилось, только странные звуки, которые не могли принадлежать человеку.

– Ты предал меня, Влад. Тебе нет прощенья. То, что сейчас с тобой происходит, – наказание за предательство.

Ее тело расплзлось в зловонный кисель, но голос, такой родной, такой любимый еще звучал, отгоняя красный туман, готовый поглотить истерзанную плоть и душу.

Ватикан

Чудесный вечер располагал к прогулкам. Легкие сумерки придавали теням неуловимый изменчивый оттенок, наполняли цветы загадочной грустью. Сколько несравненных поэтов посвящали прелестнейшие свои творения царице цветов, и вновь упругая прохлада ее лепестков, тайна, скрытая внутри бутонов, чарующий аромат будили вдохновение. Но у розы были шипы, – напоминание о грешности и суетности мира, о его несовершенстве. Пий легонько коснулся упругого бутона, вдохнул райский аромат. Совершенство можно было найти только в твореньях Божьих, а все, созданное руками человеческими, непременно имело скрытые изъяны. Он хотел поделиться своими мыслями с прогуливавшимся рядом Николаем Кузанским, но тот был занят чтением донесения одного из легатов и, похоже, не мог сейчас по достоинству оценить поэтическую красоту царицы цветов. Сам Пий ознакомился с этим документом днем раньше, нашел его достаточно поучительным, а потому решил поделиться впечатлениями с другом.

– Вот к чему может привести ложное вероучение! Я всегда выступал за единение христиан в борьбе с общей угрозой, но получил яркий пример того, на какие бесчинства способен ярый приверженец православной церкви. Мне кажется, что сей достаточно занимательный документ может украсить мои *«Записки»*. Я чувствовал, что они утратили свою остроту, стали слишком меланхоличны и лиричны. Иногда требуется добавить нечто пикантное. Может быть, даже, шокирующее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.